

Кэтрин Сатклифф

Единственная моя

Кэтрин Сатклифф
Единственная моя

1993

Сатклифф К.

Единственная моя / К. Сатклифф — 1993

До Майклза Уорвика доходили разные слухи об Оливии Девоншир – рождение ею внебрачного ребенка, которого она предпочла оставить себе, а не скрывать от общества, необузданные пляски с цыганами из Румынии, походы по трущобам Сингапура без компаньонки, и даже – какой позор! – татуировки на теле! И вот эту взбалмошную леди и осмелились предложить ему в качестве жены! Однако выбора у Майлза особо и не было – кредиторы преследовали его по пятам, он был вынужден топить свой камин предметами мебели, но что самое страшное, за невнесение очередного вклада, его мать грозились выпустить из сумасшедшего дома!

Содержание

Время роз	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Кэтрин Сатклифф

Единственная моя

Время роз

В дреме заснеженной окована холодом
Роза, как мертвая, голову клонит.
Но время цветенья наступит – и молодость
Трепетной радостью душу наполнит.

Так боль и страданье скрываем со страхом
От ненавидящих взглядов нечаянных,
И только любовь, как невинная птаха,
Открыто летает в поступках отчаянных.

Лишь гнев отвести – и все будет возможно.
Душою измученной жаждая страстно,
Любовь на двоих разделить будет можно,
Как роза, она и свежа, и прекрасна.

Я, может, не та, кому сердце отдал ты,
И мне бы другого любить было надо.
Но мы принимаем от жизни те карты,
В которые будем играть без возврата.

И стало вдруг сердце твое молчаливо,
Оно, как и роза, весну поджидает.
Лишь хлынет любовь к нему сладостным ливнем -
Оно расцветает, оно оживает...

Джойс Джексон¹

¹ пер. Тамары Лосевой

Глава 1

Ситуация складывалась абсурдная. Майлз Уорвик просто отказывался верить, что его сводный брат Дэмиен, граф Уорвик, барон Миддлхэм мог оказаться подлецом и устроить такую встречу.

Курьер прибыл в Брайтуайт Холл в половине первого с приглашением, которое гласило:

*«Сэр, почту за честь принять вас в Девонсуике в три часа пополудни 6 ноября (сегодня) или в иное удобное для вас время.
С уважением Э. Девоншир.»*

Майлз решил, что «Э» не кто иной, как Эмили, дочь лорда Девоншира, – прелестное белокурое создание с прескверным нравом. Майлз начал ухаживать за ней несколько лет назад, как раз перед тем, как она со своей старшей сестрой, которую он едва мог припомнить, отправилась на континент. Время от времени в Англию доходили слухи, что за златокудрой Эмили ухаживает такой-то граф, герцог или барон. Что ж, она, вне всякого сомнения, хороша, но Майлзу было жаль того беднягу, который попадет в сети этой прелестной маленькой стервы. Потом из-за границы поползли слухи о вопиющем нарушении приличий старшей из девиц. А еще позднее стали судачить о рождении внебрачного ребенка.

Какой скандал!

Но куда более скандальным был тот факт, что она предпочла оставить ребенка, а не сплавить его в какую-нибудь крестьянскую семью. Впрочем, едва ли это удивило бы свет после всех приплывавших через Ла-Манш шокирующе-грязных историй о старшей дочери Девонширов, то якобы пляшущей с цыганами в Румынии, то разгуливающей по трущобам Сингапура без компаньонки. Поговаривали даже о том, что она будто бы отдалась в руки азиатского татуировщика.

Женщина с татуировкой. Ну мыслимо ли это? Позор.

Но Майлз всегда слушал сплетни в пол-уха. Во-первых, он почти не был знаком со старшей дочерью, а во-вторых, он и сам зачастую являлся мишенью для подобной клеветы. С ранней юности он возненавидел то чопорно-самодовольное выражение, которое сплетники приклеивают на свои высокомерные физиономии, распространяя, как правило, лживые слухи, всегда передавая их пониженными на октаву голосами, поскольку это добавляет драматизма. Будучи восьмилетним мальчиком он столько раз слышал, как чернят имя матери, что его начинало тошнить, едва он входил в комнату с чужими людьми. Ему и сейчас было слегка не по себе. В три часа Майлз вошел в теплую, хорошо освещенную галерею Девонсуика и сделал неприятное открытие. «Э. Девоншир» означало отнюдь не Эмили Девоншир. Приглашение прислал ее отец Эверетт, хитрый, как лис, и скользкий, как змея. Лорд Девоншир сразу же проводил его в свой кабинет. Стены помещения были отделаны высокими панелями красного дерева и гобеленами двенадцатого столетия, изображающими рыцарей в доспехах, выручающих из беды бледных дев. Без сомнения, они стоили целое состояние, равно как и другие старинные вещицы, украшающие комнату. Майлз начал подсчитывать в уме, во сколько бы оценили эти сокровища его «друзья», промышляющие на рынке антикварных товаров. Затем напомнил себе, что эти впустую растроченные дни остались позади. Этот визит к «Эмили» – его первая уступка прошлому за последние месяцы. Вот уже два года он всеми силами пытается привести в порядок свою жизнь.

Оставить свое грязное прошлое там, где ему и надлежит остаться, – в том же самом прошлом. Разумеется, образцом добропорядочности ему никогда не стать. Респектабельность – чересчур тяжкое бремя, и совершенно очевидно, он к нему не готов. Но он делает все, что

может. Вся беда заключается в том, что время уходит, а ему позарез нужны деньги. Возможно, именно поэтому Майлз ответил на это идиотское приглашение приехать в Девонсуик. В глубине души он надеялся, что Эмили Девоншир изменилась в лучшую сторону и решила вновь заполучить его. Майлз даже подумал, что на этот раз не станет так сильно упираться. Приданое девчонки, несомненно, стоит целого состояния, и тогда было бы чем заткнуть рты кредиторам...

Если бы только дело обстояло именно так.

Майлз окинул взглядом лорда Девоншира, который сидел в кресле у камина. Старик сделал ему предложение, от которого глупо отказываться, учитывая его крайне затруднительное финансовое положение. Но жениться на шлюхе только для того, чтобы прибрать к рукам ее приданое? Боже милостивый. До чего он докатился!

– Как я уже сказал... – Девоншир прочистил горло и откинулся на спинку кресла. Его мясистые пальцы нетерпеливо барабанили по подлокотнику. – Не секрет, что репутация Оливии пострадала.

«Это, – подумал Майлз, – еще мягко говоря».

– Но девушка не без достоинств. С тех пор как умерла жена и мое здоровье ухудшилось до такого прискорбного состояния, Оливия весьма успешно управляет делами в Девонсуик Холл. До своего довольно продолжительного пребывания на континенте она вполне грамотно вела хозяйство – у нее математический склад ума. Да, в самом Деле. Правда, нельзя сказать, что такое качество приветствуется в моем кругу, но учитывая ее другие недостатки... – Он выпятил губы в раздумье. – Как бы это сказать?

Майлз прищурился, безуспешно пытаясь вспомнить Оливию Девоншир. Их пути тогда едва пересеклись.

– Моя дочь отнюдь не красавица, хотя и не безобразна, – поспешил добавить Девоншир. – Просто... ну... непримечательна. Короче говоря, такой человек, как вы, счел бы мою старшую дочь более чем подходящей партией.

– Подходящей, за исключением ее ошибки?

«Ошибка» Оливии Девоншир дала выход ярости где-то на расстоянии. Морщинистое лицо лорда Девоншира было непроницаемым.

Майлз медленно поднялся. Жара в темной комнате была удушающей, голова гудела. Тепличные цветы, украшавшие несколько столов, и их упоительный аромат, смешиваясь с видом прозрачной кожи лорда Девоншира, вызвали нежелательные позывы в животе Майлза. Он подумал о том, что пожалуй, стоит распахнуть окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Но это будет дурным тоном. И кроме того, когда игрок не уверен в своих картах, а ставка – его жизнь и средства существования, он не спешит раскрываться.

Сунув руки в карманы, Майлз сосредоточился на своем отражении в окне, наблюдая, как его губы растягиваются в сардонической улыбке, столь характерной для Уорвиков. Пусть он не унаследовал ни денег, ни земли отца – графа Уорвика, но он стал наследником внешности и темперамента Джозефа.

Не оборачиваясь к хозяину, Майлз спросил:

– А скажите, ваша милость, что именно вы имели в виду под «таким человеком, как я»?

Кресло скрипнуло. Майлз наблюдал за отражением лорда Девоншира в стекле, когда старик подошел к нему сзади.

– Майлз... – Девоншир улыбнулся, понимая, что называя своего собеседника так, выказывает явное неуважение. – Вы человек без титула. Без наследства. Простите мою откровенность, но, строго говоря, вы являетесь незаконнорожденным отпрыском графа Уорвика и его парижской любовницы. У вас не было ничего до тех пор, пока ваш сводный брат Дэмиен не передал вам родовое имение Уорвиков, и то лишь благодаря тому факту, что он с семьей вскоре

перебирается в Америку. Вам нечего предложить порядочной, благовоспитанной девушке, и тем не менее вы явно надеетесь возобновить ухаживание за моей дорогой невинной Эмили.

Майлз ответил на отраженный взгляд Девоншира холодной, непроницаемой улыбкой и невольно поднял бровь. У него чесался язык сказать этому старому крестину, что «ухаживание» не совсем то, что у него на уме, и что его «дорогая» Эмили отнюдь не невинна.

– Всем известно, что Брайтуайт Холл пришел в полный упадок. Известно также, что вы безуспешно пытаетесь возродить те старые, явно отработанные рудники, от которых ваш брат отказался как от безнадежного предприятия. Не говоря уже о ваших карточных долгах в Лондоне и Париже. Поговаривают, что вы имеете пагубную склонность к азартным играм и не упускаете случая наведаться в игорный притон, когда выпадает возможность. Ваш долг неуклонно растет, а ваш кредит, говорят, полностью закрыт. Вы больше не можете выплачивать жалованье, и только за последнюю неделю трое из ваших слуг сбежали от вас.

Майлз медленно повернулся к Девонширу. Рот старика скривился в злой усмешке.

– Если вы женитесь на моей дочери, приданое будет достаточно большим, чтобы покрыть все ваши долги и помочь вам продержаться в течение последующих нескольких лет. Если, конечно, вы будете разумно распоряжаться им.

– Могу я спросить, почему вы так спешите избавиться от девчонки?

Девоншир пожал плечами.

– Расчет. Видите ли, моя младшая дочь Эмили привлекла внимание маркиза де Клари. Мы оба понимаем, что такой человек, как он, не потерпит и намека на скандал. Будет очень неприятно, если ошибка Оливии каким-то образом повлияет на мнение де Клари об Эмили.

– Таким образом, выдав замуж Оливию, вам удастся прикрыть семейный позор?

– Именно. И кроме того, девчонке нужен муж. Вы живое доказательство того, что может случиться с ребенком, который растет без отца.

Майлз с трудом поборол в себе непреодолимое желание ударить кулаком по бледной, потной физиономии Девоншира.

– У меня был отец, – напомнил он старику, – иначе я бы здесь сейчас не стоял. Возможно, вы просто имели в виду законного отца. Что, в таком случае, я едва ли могу оспаривать.

Девоншир отошел и снова плюхнулся в кресло.

– Должен вам сказать, что Оливия своевольна и темпераментна. Несмотря на свою оплошность, она остается ужасно гордой и упрямой. Из нее мог бы получиться отличный сын, если б ей посчастливилось родиться мужчиной.

Он взял со стола серебряный колокольчик и позвонил. Тут же в дверях появилась горничная в черном форменном платье с белым накрахмаленным фартуком.

– Где Оливия? – поинтересовался старик.

– Она на прогулке, сэръ. Должна вернуться с минуты на минуту.

Девоншир тут же отослал ее небрежным взмахом руки.

– Не имеет значения. Это может подождать, лучше немедленно приступить к обсуждению дела.

Майлз обошел стол.

– Не думаю, что нам есть что обсуждать, – заявил он. Девоншир молча уставился на него.

– Я никоим образом не заинтересован в вашем предложении, милорд. Да, я нуждаюсь в деньгах, но не настолько, чтобы жениться на женщине, которую я даже не знаю, да еще возложить на себя ответственность за воспитание ее внебрачного ребенка.

Он направился к двери.

– Подумайте над моим предложением, – сказал ему вдогонку Девоншир.

– Тут и думать не о чем. – Майлз остановился и оглянулся. – Шлюха она и есть шлюха.

Голос его звучал язвительно.

– А ублюдок он и есть ублюдок, да? – Глаза Девоншира сузились. – Чье бы имя не носил ублюдок, это не меняет того факта, что он был рожден вне брака.

Майлз резко и неприязненно кивнул и покинул комнату.

Лучше поскорее уйти, пока дело не приняло еще более гнусный оборот.

* * *

Детский плач, ворвавшийся в галерею из ближайшей комнаты, пригвоздил его к месту. Затем в дверях появилась Эмили Девоншир. Она раздраженно нахмурила свое хорошенькое личико, и резко потребовала:

– Ради Бога, Гертруда, сделай что-нибудь с этим ужасным шумом. У меня от него жуткая головная боль!

– Я делаю, что могу, мисс Эмили. Боюсь, маленький Брайан хочет спать.

– Так позаботься о том, чтобы он уснул. Разгневанно фыркнув, Эмили обернулась. Ее голубые глаза расширились при виде Майлза.

– Так, так, – произнес он. – Наконец-то мы снова встретились.

– Зачем ты сюда явился? – удивленно спросила девушка.

– Я предполагал увидеть тебя. Но у твоего папаши другие планы.

Эмили осторожно взглянула на служанку, которая подхватила упирающегося мальчика на руки и начала ходить по комнате, укоряя ребенка за непослушание. Эмили закрыла дверь и наградил Майлза убийственным взглядом.

– Ты не имеешь права быть здесь, – сказала она ему. – Во время нашего последнего разговора я ясно сказала, что никогда больше не желаю видеть тебя.

Он пожал плечами и изобразил ленивую полуулыбку.

– Я помню. Однако, женщины часто меняют свои решения.

Эмили вздернула подбородок, и длинные белокурые локоны заблестели от света лампы. Глаза ее были холодны, как голубой фарфор.

– К счастью, я не отношусь к женщинам подобного рода.

– Разве?

Он зло рассмеялся, вызвав краску на щеках Эмили.

– Убирайся отсюда, – прошипела она дрожащим от гнева голосом. Ее маленькие ручки сжались и спрятались в складках платья.

– В чем дело, милая? Или, подцепив маркиза, ты решила, что слишком хороша для нас, простых смертных? Раньше ты так не думала. Мне кажется, я уже никогда не смогу смотреть на грозу, не вспоминая, как выглядело твое прелестное личико со стекающими по нему дождевыми струями.

– О – о, ты негодяй, Майлз Кембалл!

– Уорвик, – ответил он мягким тоном. – На тот случай, если ты не знаешь. Я законно сменил имя на отцовское около года назад.

Эмили презрительно изогнула тонкую бровь.

– Это не меняет того, кто ты есть или, вернее, что ты есть. Уверена, твой сводный брат далеко не в восторге от перспективы делить имя Уорвиков с таким гнусным подлецом и развратником.

– Стерва, – бросил Майлз настолько безразлично, насколько позволяла закипавшая в нем злость. – Коли уж на то пошло, горшку перед котлом нечем хвалиться. Оба черны, не так ли?

Не сказав больше ни слова, Майлз повернулся спиной к Эмили и зашагал по галерее к массивным дверям, едва ли слыша собственные шаги, эхом отлетающие от стен и мраморного пола.

Служанка собралась было открыть перед ним дверь, но достигнув входа раньше перепуганной девушки, Майлз распахнул дверь с такой силой, что она с грохотом ударилась о стену.

На улице было холодно. Он с трудом припомнил, что забыл забрать плащ, но он скорее замерзнет, чем вернется.

Майлз не мог поверить, что оказался настолько глуп и наивен, что подумал, будто эта хорошенькая маленькая мегера действительно хочет его видеть, особенно после того, как их бурные отношения закончились коротенькой запиской: «Я, должно быть, сошла с ума, связавшись с таким, как ты!» А он, наверное, окончательно спятил, если явился сюда, хотя, впрочем, это и не удивительно. Уединенность Йоркширских пустошей может привести любого нормального теплокровного мужчину на грань отчаяния.

Опустив голову, он шел по кирпичному тротуару. Глаза его увлажнились от холода и тумана, мысли буквально жгли мозг.

Черт бы побрал его брата Дэмиена. Без сомнения, любезный граф Уорвик сыграл далеко не последнюю роль в этом возмутительном спектакле. Как только Дейм мог подумать, что он падет настолько низко, чтобы даже помыслить о женитьбе на какой-то развратной старой деве! Которая к тому же родила ребенка, не имея мужа, плясала с цыганами и с ног до головы покрыта татуировками!

Фигура в плаще с накинутым на голову капюшоном возникла так внезапно, что Майлз успел лишь слегка повернуться на каблуках, надеясь избежать столкновения. Но они все равно столкнулись. Женщина отскочила от него, попятилась назад и, заскользив подошвами по обледенелому тротуару, с легким вскриком приземлилась на зад.

– Вы болван! – закричала она.

– Надо смотреть, куда идете, – резко ответил Майлз.

– Скажите пожалуйста! – Глаза незнакомки, которые он едва мог разглядеть под мешковатым капюшоном, гневно сверкнули. – Я не привыкла терпеть оскорбления от незнакомцев в собственном доме!

Женщина протянула ему руку, но он оставил ее жест без внимания. С возгласом негодования и раздражения она с трудом поднялась, скользя, покачиваясь и изо всех сил стараясь устоять на ногах.

Наконец, выпрямившись, она встретилась с ним взглядом. Глаза ее сощурились, а затем удивленно распахнулись, когда она узнала его.

– Вы?

Это не было вопросом. Не было это и простым замечанием. Это прозвучало, скорее как гнусная инсинуация.

– А вы, – произнес Майлз с равным презрением, откидывая с нее капюшон, – должно быть, Оливия? Похоже, у всех Девонширов манеры Аттилы².

Девушка попятилась. Она снова натянула на голову капюшон, закрывая верхнюю часть лица, но Майлз успел заметить прядь густых, красновато-каштановых волос. Волосы были слегка растрепаны, как если бы она во время этой одинокой прогулки часто снимала капюшон и подставляла лицо ветру. Эффект оказался поразительным. Несколько прядей упали на лоб и виски, отчего ее большие глаза казались еще больше. Их сине-зеленый оттенок выгодно оттенялся яркими пятнами негодования на щеках – или, быть может, причиной румянца был лишь холод. Ее скулы так и пылали. Внезапное осознание врезалось в Майлза, как холодный северный ветер: если это действительно Оливия Девоншир, то она совсем не безобразна. Отнюдь.

– Что вы здесь делаете? – негодуя воскликнула она.

– Замерзаю, – ответил Майлз, пряча руки в карманы.

² Аттила – король племени гуннов – азиатского народа, появившегося в IV веке в Европе и вызвавший великое переселение народов. Известен своей воинственностью.

– Что вы здесь делаете? – повторила девушка.

– Я предполагал, что пришел повидаться с вашей сестрой, однако...

– И вы видели ее? Да? Видели? Отвечайте же, черт возьми! – Она нетерпеливо топнула ногой.

Майлз нахмурился, теперь уже ни капли не сомневаясь в том, что не холод – причина краски у нее на щеках. Глаза девушки полыхали огнем под черными дугообразными бровями, усиливающими гримасу раздражения. Он пересмотрел свое прежнее мнение. Боже милостивый, похоже, что девица так же взбалмошна и сумасбродна, как и вся их семейка.

– Да, – бросил он. – Я ее видел.

Руки, покрасневшие от холода, стиснули накидку, кровь отхлынула от лица девушки, она побледнела.

– Мальчик... – Слова замерли у нее на губах, но взгляд остался прикованным к нему.

Майлз вскинул бровь.

– Ах, да... мальчишка. – Он наградил ее своей прославленной, или, скорее, бесславной, улыбкой Уорвиков холодной, расчетливой и презрительной. – Я видел и его. Легкие, как кузнечные мехи. Судя по всему у него темперамент его мамочки. Или папочки... Вы знаете, кто отец ребенка, мисс Девоншир?

Женщина промолчала.

– Впрочем, если вдуматься, в нем, действительно, есть что-то цыганское – черные волосы, буйный нрав.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице. И тем не менее, стоя вот так, лицом к лицу с безмолвной женщиной, Майлз чувствовал, какая неистовая страсть клокочет в ее душе. Он видел такой же жестко сжатый рот, такой же стеклянный, немигающий взгляд неверия на лице матери. Он знал, что внутри у нее все дрожит.

Наконец, не сказав больше ни слова, она отвернулась и, ровно держа спину, зашагала по обледенелому тротуару с грацией канатоходца.

Заносчивая маленькая шлюшка. Задирает нос, будто, она лучше него.

– Мисс Девоншир! – крикнул Майлз.

Девушка приостановилась и оглянулась с плохо скрываемой досадой.

– А сколько у вас татуировок?

Подбородок девушки обиженно дернулся вверх, плечи подались назад. Подхватив юбки красными от холода пальцами, она бросилась к дому, не удостоив его даже бранного слова в ответ. На крыльце стоял дрожащий дворецкий с забытым плащом Майлза в руке. Оливия выхватила у него плащ, оглядела его и медленно повернулась к Майлзу. Снисходительно улынувшись, она заявила:

– Настоящий джентльмен никогда не позволит себе носить одежду, находящуюся в таком ужасном состоянии. Воротник совсем обтрепался, сэр.

С этими словами она швырнула подбитую атласом накидку, стоившую ему десять фунтов, в грязную лужу.

Оливия терпеливо ждала, пока седовласый мажордом снимал с нее плащ, бормоча себе под нос, что она схватит воспаление легких, если будет продолжать разгуливать в таком виде в такую жуткую погоду. Проворчав в ответ, чтобы он занимался своим делом и что это ее право, если она желает умереть таким способом. Они обменялись короткими улыбками, затем Джон, с аккуратной сложенной и повешенной на руку плащом, растворился в полумраке огромного дома.

Девушка бросилась в ближайшую комнату, откинула бархатную портьеру и ладонью расчистила круг на запотевшем окне. Майлз Кембалл Уорвик садился на лошадь. Вид у него был продрогший и злой. Мокрый плащ он набросил на плечи.

Майлз бросил взгляд в сторону дома.

Как он великолепен! Черные волосы, развевающиеся на ветру, обрамляют изящные черты лица, непреклонного и безжалостного в своей силе. Его аристократизм отчетливо проявляется в очертании высоких скул и благородного лба. Губы растянуты в презрительной и вызывающей усмешке – словно он бросает вызов всему миру.

В этот момент он развернул лошадь и поскакал сквозь мглу. Оливия еще долго стояла и смотрела ему вслед. После того как Майлз скрылся в тумане, она испытала быстро нарастающее волнение, прогнавшее холод, еще недавно заставлявший ее дрожать. Подумать только! Она стояла лицом к лицу с Майлзом Уорвиком и...

– Оливия!

Девушка обернулась и увидела стоявшую в дверях Эмили. Сестра прижимала изящный кружевной платочек к виску и раздраженно глядела на Оливию.

– Ребенок не перестает хныкать с тех пор, как ты ушла. Ты должна что-то сделать, иначе мне снова придется ложиться в постель с головной болью.

Отойдя от окна, Оливия подозрительно оглядела сестру.

– Что он здесь делал, Эмили?

Эмили заколебалась. На щеках девушки вспыхнул румянец, а глаза стали похожими на глаза испуганной лани.

– Кто? – Она изобразила недоумение.

– Кто? О, ты прекрасно знаешь, о ком я говорю. Я только что буквально врезалась в него на улице.

– Откуда мне знать, зачем Майлз Кембалл был здесь? Я его не приглашала.

Оливия сузила глаза. Эмили насупилась.

– Возможно, тебе следует поговорить с папой.

– Какое отношение имеет к этому папа?

– Он почти целый час провел взаперти с этой неотесанной деревенщиной. – Обмахиваясь платочком, Эмили позволила легкой улыбке слегка приподнять уголки губ. – И у меня такое ощущение, что разговор каким-то образом касался тебя.

Оливия не потрудилась ответить на это замечание. По выражению самодовольства, сияющему в глазах младшей сестры, она могла безошибочно определить, что неприятности не за горами.

Она прошла мимо сестры, которая продолжала лукаво поглядывать на нее, и, выйдя из комнаты, поспешила вверх по лестнице к детской. Гертруда уложила малыша в кровать и тихо напевала колыбельную. У Брайана Гамильтона Чизвелла Девоншира, названного так в честь отца ее матери, любимого деда Оливии, была внешность ангела и темперамент буяна. Эмили приписывала его озорной характер тому, что Оливия балует его, но сама Оливия так не считала. Брайан Гамильтон Чизвелл Девоншир унаследовал поразительную красоту отца, его самостоятельность и буйный нрав. И хотя черты его лица во сне выглядели ангельски безмятежными, оно в то же время было настоящим образцом проказливости.

Добродушная служанка, увидев Оливию, приложила палец к губам и, убедившись, что мальчик спит, на цыпочках подошла к ней.

– Немного капризничал, – прошептала Гертруда. – Думаю, после сна он будет спокойнее.

Оливия кивнула, не сводя взгляда с малыша. Она чувствовала себя выжатой, как лимон, и обессиленной. Шок от встречи с Майлзом Уорвиком, идущим по дорожке Девонсуика, после всех этих лет обрушился на нее, полностью парализуя волю.

– Майлз Уорвик был здесь, – сказала она наконец, взглянув на женщину.

Брови Гертруды удивленно приподнялись.

Так вот кто это был! Вот, значит, каков этот повеса.

– Не знаешь, зачем он был здесь?

– Нет, мэм. – Гертруда покачала головой. – Я занималась с юным Брайаном, потому что Беатрис уложили в постель. А Ваш батюшка дал строгое указание держать его подальше от посторонних глаз.

– Гм. С него станется.

– Прощу прощения, мисс?

– Я об отце. Будь его воля, он бы вообще убрал Брайана с глаз долой, чтоб не видеть и не слышать.

– Не стоит расстраиваться из-за такой ерунды, мисс Оливия. Несмотря на обстоятельства, ваш батюшка любит мальчика.

– Да? – Оливия вошла в комнату, тихо прикрыв за собой дверь. Только тогда она взглянула на розовощекую служанку и улыбнулась.

– Ты пока свободна, Гертруда. Почему бы тебе не пойти выпить чашку чаю?

– Вы очень добры, мисс. С удовольствием.

Отпустив женщину кивком головы, Оливия поглядела ей вслед и направилась в свою комнату, смежную с детской, задержавшись лишь для того, чтобы взглянуть на Беатрис, свою седую няню, которая приехала в Девонсуик двадцать семь лет назад, вскоре после рождения Оливии. Всю свою жизнь она заботилась о девочках и теперь, в возрасте семидесяти лет, жила в туманном мире. За исключением четырех лет, которые Оливия провела в Европе и Азии, Беатрис оставалась ее подругой и наперсницей. Теперь она заботилась о сыне Оливии.

Когда Оливия была девочкой, Беатрис обнимала ее и обещала, что однажды она встретит своего прекрасного принца.

Но этого не случилось. Да и с чего бы? Внешность ее далека от стандартов, признанных светом. Она не хрупка, как лепесток розы. Ее кожа не бледна, как фарфор. Ее лицо не имеет формы овала, как того требует мода, и она не лишается чувств от бранных слов.

Войдя к себе, Оливия заперлась и закрыла лицо руками.

– Спокойно, – сказала она себе. – Волноваться абсолютно не из-за чего.

Но она все равно волновалась. Поспешив к западному окну, она отдернула шторы и окинула взглядом пропитанную туманной сыростью округу. Из этого окна ей обычно были видны всадники, приближающиеся к Девонсуику с расстояния полмили. Но сегодня погода не позволяла этого, и слава Богу. Она не нуждалась в видимом доказательстве того, что несколько минут назад столкнулась нос к носу с Майлзом Кембаллом Уорвиком.

Время, увы, не изменило его. Он все так же высокомерен и дерзок, как всегда. И все так же сногшибательно красив – как и все Уорвики. Однако, в то время как другие юные леди вздыхали и грезили о Рэндольфе и Дэмиене, она всегда была очарована Майлзом – отверженным сыном, который, как магнит железо, притягивал к себе скандалы. Оливия, сама будучи парией, всегда воображала, что ее любовь и понимание растопили бы гнев и боль в его душе.

С другой стороны, красивой была и Эмили, и роман с Майлзом Уорвиком являлся для нее игрой, чтобы доказать себе, что она может завлечь любого мужчину – будь он грешник или ангел, – на которого положит глаз. Но с Майлзом она получила больше, чем рассчитывала. Вместо того чтобы использовать, Эмили Девоншир в первый раз оказалась использованной сама. Ни одна из дочерей не заполучила его.

Выпустив штору из пальцев, Оливия оглядела комнату. Огонь, мерцающий в маленьком камине, уютно окутывал спальню. Большая кровать с пологом манила мягким пуховым матрасом и подушками, но спать ей не хотелось. Она была слишком встревожена. Прогулка взбодрила ее. И вдруг эта встреча...

Что он здесь делал, – недоумевала девушка. Какие дела может иметь отец с Майлзом Уорвиком? Всем известно, что все его попытки управлять рудниками потерпели крах. Рудокопы винят во всем его, и вся шахтерская деревушка Ганнерсайд хотела бы повесить Майлза

Уорвика. И он не осмеливается снова показаться в Лондоне из-за страха, что кредиторы разорвут его на куски.

Беспокойно шагая по комнате, Оливия вытаскивала гребни из волос, позволяя тяжелым локонам рассыпаться по спине. Затем она сняла мокрое платье и отшвырнула его в стору. Девушка вспомнила время, когда танцевала перед костром, обернутая в полупрозрачную ткань. Казалось, это была другая жизнь. Стоя перед камином, она наблюдала за игрой желтого и оранжевого света на коже, потом снова вспомнила, как выглядел Майлз Кембалл Уорвик с рассыпанными по плечам волосами, посеребренными каплями холодного тумана. Лицо его было бледно от холода – поразительный контраст с густыми черными кудрями. А его глаза... Она всегда была околдована его глазами. Несмотря на ауру опасностей и страстей, окутывающую фигуру незаконнорожденного сына Джозефа Уорвика, его пленительные глаза были безжизненны. Настроение его изменчиво. А внезапные вспышки неистовства в прошлом сокрушили не один джентльменский клуб. Ходили слухи, что однажды он провел целых две недели за решеткой за то, что сломал стул о полисмена, посланного забрать его из имения.

Как это ужасно.

Как интригующе.

Как волнующе.

Если бы ей посчастливилось родиться мужчиной, она бы, пожалуй, посоперничала с его непокорным нравом. В конце концов, мужчинам не обязательно заботиться о своей репутации, они порождают скандал и смакуют его последствия.

Слава Богу, годы не укротили Уорвика. Для высшего света, задыхающегося от собственной напыщенности, Майлз был бодрящим глотком свежего воздуха.

А теперь?

Она нахмурилась, не отрывая взгляда от огня. В сердце у нее поселилась тревога. Последнее, что им всем нужно, – это оказаться каким-то образом связанным с этим человеком.

Оливия направилась к двери, ведущей в детскую. Просторная комната, которую она украсила фресками с изображением персонажей детских стишков, слабо освещалась от мерцающего в камине огня. Мальчик лежал среди горы стеганых одеял и пуховых подушек и сонно разглядывал потолок. Услышав, как она вошла, он повернул голову и поглядел на нее большими карими глазами.

– Ай-ай-ай, – мягко пожурила она его, ложась рядом. – Вам ведь полагается спать, мистер Брайан.

Его розовый влажный ротик улыбнулся, когда он потянулся к ней ручками.

Оливия прижалась губами ко лбу малыша, позволив себе задержаться дольше, чем необходимо, и закрыла глаза, вдыхая знакомый, такой любимый запах теплой кожи и талька, и, слабый аромат апельсинового мармелада, который ребенок ел на завтрак. Она погладила его густые темные кудряшки и поудобнее устроила в одеялах, тихо напевая ему, пока веки малыша не отяжелели и глаза не стали закрываться. И все-таки он продолжал бороться со сном, предпочитая с любовью взирать на Оливию, крошечными пальчиками играя с атласными лентами ее рубашки.

– Цветок, – произнес он, дотрагиваясь до ее кожи прохладными кончиками пальцев.

– Роза, – объяснила Оливия, переводя взгляд на изящную бледно-розовую розу, вытатуированную на груди.

– Красивая, – прошептал малыш и погрузился в сон, оставив Оливию с тоской любоваться его ангельскими чертами и улыбкой. Ребенок видит красоту в том, что свет считает неприемлемым. Неужели человечество перестало видеть в чем бы то ни было хорошее, а лишь выискивает и смакует дурное?

Еще раз поцеловав мальчика в лоб, Оливия вернулась к себе. Она бы с удовольствием осталась с сыном и провела остаток этого унылого дня с ним. Увы, неотложное дело ждет ее.

Схватив расческу, она провела ею по волосам и бросила на трюмо, небрежными движениями заплела и закрутила волосы в узел и снова сколола их гребнями. Потом девушка порылась в гардеробе и выудила оттуда строгое серое платье, закрывающее ее от подбородка до кончиков пальцев.

Водрузив очки на нос, она пробормотала:

– Итак, лорд Девоншир, дорогой, милый папочка, вам придется ответить мне на пару вопросов.

Глава 2

Оливия уставилась на отца.

– Замуж? – повторила она, стараясь, чтобы ее голос не звучал слишком ошеломленным. – За Майлза Уорвика? Я... я не понимаю.

– Все очень просто, девочка. Тебе нужен муж. Мальчику-отец, а...

– Но Майлз Уорвик?! – Она в упор поглядела на сестру, желая выяснить, знала ли Эмили о планах отца. Но в округлившись голубых глазах Эмили застыло такое же изумление. Ее обычно алебастровые щеки теперь стали белыми как полотно.

– Ну, ну, – проворчал лорд Девоншир, – не стоит делать такое лицо.

– Как вы могли, отец? Как посмели манипулировать моей жизнью таким недостойным образом, тайком от меня? Я уже давно не ребенок.

– Да уж, конечно, – пробурчал он.

– Вы должны были поставить меня в известность о своих планах, прежде чем приводить их в исполнение.

Лорд Девоншир поморщился.

– Я не бараний окорок, из-за которого можно торговаться.

– Я твой отец и имею право распоряжаться твоей судьбой.

– Возможно, если бы я была наивной девицей, умеющей только строить глазки, но, отец, мне ведь двадцать семь лет.

– Женщина с четырехлетним сыном без отца... Упершись ладонями о стол, лорд Девоншир тяжело поднялся из кресла и остановил на Оливии немигающий взгляд.

– Мы оба знаем, что я нездоров. Я слабею с каждым днем, Оливия.

– О ради Бога, отец. Только не говорите, что вы воспользовались такой неубедительной отговоркой для Уорвика. Вы жалуетесь на недомогание ежедневно все последние десять лет. Мы все знаем, что вы здоровы как бык.

Девоншир нахмурился и пробормотал:

– Дерзкая девчонка. Пусть так, но обещание, которое ты дала матери, когда она умирала, отнюдь не значит, что ты должна отказаться от...

– Не смейте! – Стукнув кулаком по столу, Оливия решительно тряхнула головой. – Не смейте говорить мне об обещаниях. Я пожертвовала годами своей жизни, чтобы выполнить их. Я поклялась матери на ее смертном одре, что буду как можно лучше заботиться о вас и Эмили, и до этого момента меня вполне устраивало то, что я делаю!

– И ты делаешь это безупречно. Боюсь, даже чересчур. Моя зависимость от тебя развила во мне лень и, что более важно, породила во мне эгоизм. Когда мать просила тебя заботиться о нас, уверен, она не подразумевала, чтобы ты «жертвовала своей жизнью». Сожалею, что не могу вернуть тебе эти годы, если б я мог, тогда, возможно, нам бы удалось избежать твоей... ошибки. – Девоншир покачал головой, и морщины беспокойства и сожаления резко обозначились на его лице.

– Черт возьми, Оливия, если бы ты призналась в своем неблагоразумии до того, как умчалась с Эмили в Европу, все эти неприятности можно было бы поправить. Если бы ты сказала мне, кто отец..

– Никогда.

– Никогда. – Лицо его медленно залилось краской. – Если я когда-нибудь узнаю, кто этот подонок, который воспользовался тобой, я задушю его собственными руками. Я прикажу четверговать его и повесить, но даже это будет для него слишком мягко! – Уставившись на нее, словно удав на кролика, он спросил:

– Он женат?

Оливия упрямо выпятила подбородок.

– Проклятый бабник, – пробормотал он. – Его мало кастрировать.

– Нет нужды обсуждать это.

– Когда это случилось? Хотя бы это мне скажешь? Здесь? Или в Лондоне? Не дай Бог, это один из моих арендаторов... Скажи мне, который из них, или я выстрою их всех перед тобой и буду пороть до тех пор, пока...

– Вы не сделаете ничего подобного! Просто оставьте Все как есть, отец. Что сделано, то сделано, и никакие проклятия и угрозы уже не исправят положение. У вас чудесный внук, которым вы должны гордиться. Он всем сердцем любит вас, как и я.

Эверетт Девоншир негодуяще фыркнул и покачал головой. Сколько раз они препирались на эту тему. Он вышел из-за стола и подошел к окну.

– Если бы мы воспитывали тебя по-другому... – сказал он, обращаясь к темному оконному стеклу. – Но мы с Элизабет вечно пропадали в Лондоне. Каким нелепым кажется это теперь, когда я думаю, как мы оставляли тебя здесь на попечении старой няни. Потом родилась Эмили, точная копия своей мамы – такая маленькая и изящная, как фарфоровая куколка. Бог мой, я так любил твою мать, Оливия.

Оливия взглянула на Эмили. Младшая дочь подбежала к отцу и наигранно застенчиво подергала его за рукав.

– Я напоминаю вам маму, правда, папочка?

Он долго молча смотрел на нее, прежде чем вновь повернуться к Оливии.

– Нет оправдания тому безразличию, которое мы с матерью проявляли по отношению к тебе.

– Я была вашей любимицей, – улыбнулась Эмили, крепче ухватившись за отцовскую руку. – Ведь правда, папочка? Вы говорили мне это тысячи раз!

Слабый румянец заиграл на щеках Оливии. Она отвернулась. Та старая, знакомая боль вернулась, засосав под ложечкой.

– Конечно, ты его любимица, Эмили, – отозвалась она мягким, ровным голосом. – Скажите ей, отец. Все в порядке, вы же знаете. Нет ничего, чего бы я не знала или не слышала за последние двадцать два года своей жизни.

Но лорд Девоншир молчал. Лицо его стало пепельно-серым.

Оливия натянуто улыбнулась.

– Пожалуй, будет лучше, если ты подождешь у себя, Эмили. Мне нужно кое о чем поговорить с отцом наедине.

– Но...

– Всего несколько минут, Эмили. – Она подтолкнула сестру к двери и хотела закрыть ее, но Эмили уперлась плечом в притолоку и вопросительно заглянула в глаза Оливии.

– Я потом поговорю с тобой, – сказала старшая сестра и закрыла дверь.

Обернувшись, она обнаружила, что отец снова сел в кресло и овладел собой. Оливия плеснула бренди в бокал и подала ему.

– Я прошу извинения за твою сестру, – сказал старый Девоншир.

– Пожалуйста, отец...

– Мы испортили ее.

– Несомненно. Но она очень сильно любит вас. Она была бы убита горем, если бы хотя бы на минуту подумала, что сделала что-то такое, что причинило бы вам неприятности или боль.

Уставившись в бокал, Девоншир откинулся на спинку кресла. Голос его был сильно встревоженным, когда он заговорил вновь.

– Я намеревался поговорить с тобой по поводу Уорвика после обсуждения дела с ним.

– Позволь мне угадать, – сказала Оливия. – Зная репутацию Майлза, уверена, что он послал тебя подальше.

Она затаила дыхание, ожидая его ответа. Молчание отца говорило красноречивее слов.
– Понятно.

Завиток темных волос выскользнул из узла на затылке. Она рассеянно запихнула его обратно, затем поправила очки и вздохнула.

– Итак, – с трудом выдавила девушка, – что же он сказал?

– Неотесанный болван, – недовольно проворчал отец и отхлебнул бренди. – Спесивый выскочка. Жалкий неудачник. Как будто у него есть право ждать чего-то лучшего. Я объяснил, что Бог наградил тебя острым умом.

– Мужчины редко считают острый ум достоинством женщин, отец, – Оливия натянуто рассмеялась. – Пожалуйста, продолжайте.

– Разумеется, пришлось затронуть вопрос о твоём неблагоприятном положении. Конечно, я сделал это как можно деликатнее, объяснив, что учитывая происхождение Майлза, едва ли есть место для порицания.

– И это не произвело на него впечатления? Могу себе представить почему. Скажите, отец, сколько вы ему предложили, чтобы сбыть меня и мою «ошибку» с рук?

– Ну, ну, – лорд Девоншир покраснел, – думай, что говоришь!

– Тогда будьте любезны сказать, сколько же я стою.

– Не имеет значения. Он отверг мое предложение. Сказал, что никакая сумма его не интересует. Тупоголовый осел. Воображает, будто стоит большего. Сказал бы спасибо, что хоть это предлагают...

Осознание того, что он только что сказал, словно кулак невидимки ударило его. Резко отставив бокал, он выругался и провел рукой по седым редеющим волосам.

– Черт побери, Оливия, не смотри на меня так. Ты знаешь, что я имел в виду.

Оливия повернулась к двери.

Распахнув ее, она кликнула Джона и распорядилась заложить карету. Затем она направилась к лестнице, где Эмили наблюдала за ней в крайней тревоге.

– Я собираюсь прогуляться, – сообщила ей Оливия.

– В таверну «Королевская рать», разумеется. Эмили схватила ее за руку.

– Ты едешь к нему.

Выдернув руку, старшая сестра стала подниматься по лестнице.

– Но ты не можешь! Не должна! Что ты скажешь ему, Оливия?

Резко повернувшись и схватившись рукой за перила, Оливия пристально поглядела в бледное лицо сестры.

– Я, несомненно, передам ему покорнейшие извинения отца за то, что он показал себя таким ослом. За то, что унизил меня, но более всего за то, что подверг унижению невинное дитя, спящее наверху.

Оливия зашагала дальше. Тело ее трепетало. Войдя к себе и захлопнув за собой дверь, она с трудом добрела до туалетного столика у противоположной стены.

Опустившись на стул и опершись локтями о тумбочку, она спрятала лицо в ладонях. Слезы потекли сами собой, она не могла сдержать их.

– Ну, ну, – послышался знакомый, ласковый голос Беатрис Фигмор.

Оливия поспешила вытереть слезы, наблюдая в зеркале за приближением старой няни. Седые волосы старушки, подобно клочьям ваты, обрамляли ее величественную голову. Она скорее ковыляла, чем шла, но ее улыбка была искренней и доброй.

– Ну, ну, – повторила Беатрис. – Что случилось с моей девочкой? Чем мама с папой так обидели мою малышку?

Оливия высморкалась в платок. Нет смысла снова растолковывать старой няне, что мать Оливии умерла двенадцать лет назад, это лишь еще больше расстроит и собьет с толку Беатрис.

– Не говори мне. – Беатрис неприязненно выпятила губы. – Эта маленькая разбойница опять что-то натворила. Дрянная девчонка. Но ничего, не плачь, детка.

– Боюсь, на этот раз виновата не Эмили, – отозвалась Оливия. Слегка повернувшись на стуле, она заглянула в потухшие глаза Беатрис и попробовала успокоить неровное биение сердца. Отец действительно хотел отдать ее за Майлза Уорвика. Как больно сознавать, что мужчина, которого она боготворила все эти годы, считает ее безобразной, к тому же беспутной старой девой.

– Это из-за Майлза Кембалла... Уорвика. Из Брайтуайта. Ты ведь помнишь его, Беатрис? Беатрис призадумалась. Затем лицо ее осветилось воспоминанием.

– А, да! Он влюблен в Эмили, верно?

Оливия почувствовала, что ее лицо вспыхнуло.

– Ты ведь больше не мечтаешь о таком как он, правда, детка? – поинтересовалась Беатрис. – Нехороший он, этот парень. Они с твоей сестрицей друг друга стоят, вот что я скажу.

Оливия долго молча смотрела в лицо старой женщины.

– Это было пять лет назад, – мягко произнесла она. – Я не интересовала его тогда, не интересую и сейчас. Как отец мог так смутить меня? И перед кем? Перед Майлзом Уорвиком? О Боже, кто угодно, но не он!

– Ты такая милая – в тебе столько страсти и обаяния. Любой мужчина может гордиться знакомством с тобой.

Беатрис повернула Оливию к зеркалу, и начала вытаскивать шпильки из ее волос. Старая няня так ловко и умело расчесала каштановые локоны своей любимицы, что они заблестели, как мех норки.

– Мне никогда не нравились желто-соломенные волосы твоей сестры. В самом деле похожи на сено, вот что я скажу.

– Майлз говорил Эмили, что ее волосы как солнечный свет.

– Ты пошла в отцовскую породу и лицом, и характером.

– Однажды я подслушала их. Я так боялась, что она выйдет за него. Не могла представить Майлза Кембалла в качестве зятя... Я мечтала, как он однажды заметит меня и забудет о ней. Этого, к сожалению, не случилось...

– Я давеча говорила твоей матушке, что когда-нибудь они пожалеют, что так избаловали эту девчонку.

– Маркиз де Клари со дня на день должен попросить ее руки, – сказала Оливия, забирая расческу из рук Беатрис и откладывая ее в сторону. Она сложила шпильки в аккуратную кучку и стала закручивать волосы на затылке.

Старая няня наклонилась и ее круглое лицо оказалось рядом с лицом Оливии в зеркале.

– Почему ты не носишь волосы распущенными, девочка? Они так красиво вьются у тебя по спине, и выглядишь ты намного моложе, совсем юной.

Воткнув шпильки в волосы так туго, что натянулась кожа на висках, Оливия сосредоточилась на своем отражении и постаралась не обращать внимания на разочарование в глазах Беатрис.

– Поддай мне пальто, – приказала она. – Я еду на прогулку.

* * *

К тому времени когда Майлз добрался до дома своего брата, легкий слой изморози покрывал его волосы, лицо и плечи, а руки и ноги совсем заоченели.

Дворецкий отворил дверь только после настойчивого стука. Яркий свет и невероятно теплый воздух хлынули через дверной проем, но Стенли, узнав Майлза, стал в дверях, как скала.

– Его светлость, – заявил дворецкий, – занят гостями.

Услышав смех гостей, Майлз решительно шагнул в дверь. Испуганный дворецкий поспешно отступил в сторону. У Майлза от внезапно окутавшей его жары перехватило дыхание, уши, казалось, превратились в раскаленные добела угли. Пока он дошел до обеденного зала, изморозь растаяла и начала стекать с гривы спутанных темных волос.

При неожиданном появлении Майлза, Дэмиен Уорвик, сидящий в конце стола, поднял глаза. Все присутствующие ошеломленно уставились на него.

– Хей хо! – Воскликнул Фредерик Миллхауз. – Скорее прячьте свои драгоценности.

– Ну и ну, – присовокупил Кларенс Ньюман, – и кто сказал, что дьявол живет в преисподней?

С полдюжины других гостей разразились смехом. Бонни, беременная жена Дэмиена, сидящая рядом с ним, подскочила со стула, словно была готова броситься к Майлзу, но Дэмиен остановил ее, положив руку на запястье.

– Сядь, – твердо сказал он, и хотя ее лицо залилось краской негодования, она подчинилась ему.

Еще мгновение, и комната погрузилась в полную тишину. Вопросительные взгляды были устремлены на Майлза, который не сводил глаз с брата.

– Ты прервал нашу трапезу, – холодно сказал ему Дэмиен вежливым голосом.

– Полагаю, мое приглашение затерялось где-то по дороге, – отозвался Майлз также угрожающе вежливо.

Дэмиен откинулся на стуле.

– Чего ты хочешь, Майлз?

– А чего, по-твоему, я хочу?

– Драки, судя по твоему виду.

– Стойте! – подал голос Фредерик. – Ставлю на Кембалла.

Взрыв нервного смеха снова прокатился по комнате, затем вновь тишина.

– Сегодня я был приглашен в Девонсуик, – сообщил Майлз, бросив беглый взгляд на Бонни.

Взгляд ее широко открытых глаз выражал озабоченность.

Дэмиен спокойно положил салфетку на стол рядом с тарелкой и отодвинул стул.

– Пожалуй, это нам лучше обсудить наедине.

– Не утруждай себя. Я только хотел сказать тебе, что ты можешь идти к дьяволу. Я сам сохраню Брайтуайт.

– И как же ты намереваешься это сделать? Ты уже растранижил свое квартальное содержание...

– Я не продам душу какой-то шлюхе. Даже я заслуживаю большего.

– В самом деле? Кто тебе это сказал?

Филипп Фитцпатрик соскочил со стула, когда Майлз кинулся на брата. Белокурый лорд встал между ними и твердо положил руки на плечи Майлза.

– Джентльмены! Сейчас не время и не место для обсуждения такого деликатного вопроса.

– Это не обсуждение, Фитцпатрик, – ответил Майлз. – Я не женюсь на девчонке, Дейм, и презираю тебя за попытку манипулировать моей жизнью.

– К твоему сведению, – огрызнулся Дэмиен, – я не имею никакого отношения к этим так называемым манипуляциям. Лорд Девоншир обратился ко мне как к главе семьи с этим вопросом на прошлой неделе, и я дал добро.

– И что, черт возьми, дает тебе право распоряжаться моей личной жизнью? Ты мне не отец, граф Уорвик. Ты мой брат – о, прошу прощения, милорд – сводный брат. Мой младший сводный брат. Ты не имеешь права...

– Черта с два, имею.

Отшвырнув стул, Дэмиен, великолепный в безупречно скроенном вечернем сюртуке черного бархата и белоснежной рубашке, обошел стол. Отстранив с дороги Филиппа Фитцпатрика, он встал лицом к лицу с Майлзом, гневно сверкая глазами, стиснув кулаки.

– Я имею полное право, Кембалл. Несмотря на твою неспособность принять отвратительную реальность нашего положения, я глава этой семьи. Только благодаря моим попыткам внести хоть какую-то видимость перемирия в наши отношения, я до сих пор терпел твою безалаберность. Два года назад ты убедил меня, что если я дам тебе возможность доказать, что ты можешь наладить свою жизнь, ты сотворишь чудеса и с Брайтуайтом, и с рудниками.

– Брайтуайт так или иначе должен быть моим, Дейм. Я старший сын Джозефа.

– Черт тебя подери, Майлз! Как твоя глупая голова не может понять, что в соответствии с господствующими законами этой страны ты вообще не существуешь.

Грозовая тишина повисла в комнате. Даже у Фредди Миллхауза хватило ума промолчать.

Более сдержанным голосом Дэмиен продолжил:

– А что касается рудников, с тех пор как ты взялся ими управлять, шахтеры только и делают, что постоянно бастуют. И насколько я понимаю, это происходит из-за небезопасных условий труда.

– На ремонт нужны деньги, милорд. Вам это известно. Я вложил все до последнего шиллинга в эти чертовы шахты. Ты и вправду ждешь от меня чуда, Дэмиен. Я делаю все возможное.

– Да?

– Да, черт возьми! Меня уже тошнит от бесконечных, бесплодных переговоров с кучкой полумертвых шахтеров, которые, похоже, забавляются тем, что превращают мою жизнь в крошечный ад.

– Это не забава, Майлз. Ты им просто не нравишься. И они тебе не доверяют.

– Что тебя, несомненно, радует.

Дэмиен покачал головой и сказал более мягко:

– Нет, возможно ты удивишься, но меня это совсем не радует. Хочешь верь, хочешь нет, Майлз, но я надеялся увидеть в тебе хотя бы искру честолюбия Уорвиков. Я надеялся, что смогу уехать с семьей в Америку, зная, что оставляю Брайтуайт в надежных руках. Но неоспоримый факт, что дом пришел в еще больший упадок, чем до того как ты в нем поселился. И я подумал, что женитьба смогла бы положить хорошее начало твоей карьере.

Подошла Бонни, переводя взгляд с одного на другого.

– Пожалуйста, – взмолилась она, – подумайте о наших гостях, милорд. – Повернувшись к Майлзу, она одарила его теплой, но в то же время явно озабоченной улыбкой. – Я распоряжусь поставить еще один столовый прибор.

Он сухо рассмеялся.

– Ты шутишь, да? – И развернувшись на каблуках, направился к двери.

– Кембалл! – крикнул ему вслед Дэмиен, заставив Майлза резко остановиться. – Я слышал, Джозайя Либински проявляет интерес к покупке «Уорвик Майн Холдинге».

– Можешь сказать Либински и Девонширу, чтобы катились ко всем чертям. Я не продаюсь.

Майлз вышел из комнаты. Бонни бросилась вслед за ним, в то время как Дэмиен остался за столом.

По пути Майлз отодвинул в сторону дворецкого и заставил попятиться служанку.

– Подожди! – крикнула Бонни и схватила его за руку, когда он уже дошел до входной двери. Ее фиалковые глаза были полны тревоги.

– Ты не имеешь права сердиться на Дэмиена. Он не сделал ничего, чтобы обидеть тебя. Я присутствовала при их разговоре с лордом Девонширом, когда тот затронул вопрос о своей дочери.

Майлз попытался обойти Бонни, но та загородила ему дорогу.

– У тебя опять неприятности, да? Я же вижу. Ты вымещаешь свою злость и разочарование на всех, кроме самого себя – главной причины всего происходящего. Когда же ты научишься отвечать за свои поступки?

Вперив в нее ненавидящий взгляд, Майлз прорычал:

– Слова настоящего друга!

– Ты опять играл, да? – Нахмурившись, женщина покачала головой. – Черт бы побрал твою глупость. Сколько ты должен?

Он пожал плечами и отвел глаза.

– Десять тысяч. Лицо Бонни побелело.

– Я надеялся выиграть, чтобы вложить деньги в дом и дело. Поэтому поставил все свое квартальное содержание.

– О Боже! Ты знаешь, что будет, если Дэмиен узнает об этом. Он все заберет у тебя обратно, Майлз. Все. Брайтуайт. Дело. – Она изо всех сил ткнула его в плечо кулаком. – Слабоумный идиот, ты хоть знаешь, как трудно было убедить его дать тебе шанс доказать, что ты на что-то способен? Знаешь?

– Да, – ответил он, заглянув в ее большие глаза. Чувство вины и раскаяния навалилось на него с тяжестью гранитной плиты. Может, ему и наплевать, что окружающие думают о нем, но она – другое дело.

– Сожалею, – сказал он ей. – Я опять подвел тебя. Я не только жалкий пример неудачника, но и никудышный друг. – Отодвинув ее в сторону, он открыл дверь и выглянул в холодную, промозглую ночь. – Пожалуйста, передай мои извинения Дэмиену и вашим гостям.

– Я могу чем-нибудь помочь? – мягко спросила она.

– Я сам вляпался в эту грязь, мне самому и выбираться.. так или иначе. – Он стоял в дверях, не глядя на Бонни. Голова казалась странно пустой, а тело – оцепеневшим от прежнего гнева, который гнал его, словно безумца, через вересковую пустошь к дому брата.

Бонни тронула его за рукав.

– Ты мог бы подумать над предложением Либински.

– И продать свой единственный шанс сделать из себя что-нибудь путное? – Он нахмурился и покачал головой. – Я докажу, что я – Уорвик. Я добьюсь возрождения этих рудников, даже если это будет последнее, что мне удастся сделать, Бонни.

– Но Дэмиен говорит, что там осталось руды не больше чем на год.

– Я хочу рискнуть. В конце концов, я ведь игрок, верно?

– Очень неудачный игрок, – заметила она.

– Ах ты недоверчивая! – Он улыбнулся и дотронулся до ее щеки, коротко бросив взгляд на ее округлившийся живот прежде, чем отвернуться.

Наконец он запахнул мокрый плащ и вышел под холодный, морозящий дождь.

Глава 3

Когда Оливия покидала Девонсуик, туман угрожающе сгустился, делая узкую, извилистую дорогу еще более опасной. Время от времени до Оливии доносился голос возницы, понукающего испуганных лошадей. Пока Беатрис клевала носом, Оливия смотрела в темноту, то и дело спрашивая себя, зачем она рискует их жизнями, чтобы увидеться с Майлзом Уорвиком.

Унижение смешивалось в ее душе с гневом. То она представляла себе, как падает к его ногам и умоляет простить за отцовскую бестактность, то ей хотелось просто залепить щечину, ударить в это снисходительное, красивое лицо за то, что он имел наглость подумать, что слишком хорош для нее или Брайана.

Потом она спрашивала себя, почему собственно ее волнует, что он думает о ней, ее отце или Брайане. Она уже давным-давно перестала прислушиваться к сплетням и домыслам, которые, порой, доходили до нее, смеясь над большинством из них или лукаво улыбаясь тем, которые были правдой. Однажды ей пришла в голову мысль, что раз уж сплетники вознамерились обвинить ее в безнравственности, почему бы не извлечь из этого удовольствие. В конце концов, женщине ее репутации не пристало заботиться о морали и этикете. Быть обвиненным в преступлении, не пожиная его плодов, просто глупо.

И все же, она не должна забывать об отце и сестре...

Девушка почувствовала, что карета повернула на дорогу, ведущую к Брайтуайту. Позади остались более гостеприимные лесистые равнины отца, а они углубились в самое сердце пустоши – бесконечных голых полей, поросших вереском и дроком, где буйные ветры воют и стонут, словно грешные души, затерявшиеся в ночи.

Вид за бархатной занавеской подтверждал их местонахождение. Старинные каменные ограды и живые изгороди, тянущиеся вдоль дороги на расстоянии почти полумили, вели к внушительным воротам Брайтуайта. Они были реставрированы вскоре после того, как Майлз поселился в доме... Прежде, чем он растратил деньги на игры и женщин. Огромные железные медведи, вызывающе вставшие на задние лапы и охраняющие вход испокон веков, были гербовым щитом Уорвиков. Еще с тех времен, когда первый из рода сражался на стороне короля Ричарда.

Наконец они свернули на широкую подъездную аллею, заросшую за годы запустения. Единственное пятно света пробивалось сквозь ветви деревьев, и лошади, почуяв тепло конюшни, припустили во весь опор, так что кучеру пришлось приложить немало усилий, чтобы остановить бьющих копытами и фыркающих животных.

Поплотнее закутавшись в накидку скорее из-за боязни замерзнуть, чем от холода, Оливия подождала, когда кучер откроет дверь и подаст ей руку. Оставив спящую Беатрис в карете, Оливия сошла в холодную ночь, взглянув на возвышающуюся громаду дома. Это был наполовину обычный особняк, наполовину замок с флигелями и остроконечными крышами, с черными окнами, которые, словно пустые глазницы, бессмысленно смотрели на свои бескрайние владения.

Оливия немного постояла на нижних ступенях особняка, взирая на серые каменные стены, исчезающие в низко нависшей мгле. Ивовая лоза потрудила на славу, заполняя расширяющиеся трещины между камнями, но с наступлением холодов растения почернели и большей частью погибли. Они пощелкивали, словно игральные кости в чашке, когда холодный ветер яростно трепал их, ударяя о стену.

Она сделала глубокий, успокаивающий вдох и постучала в дверь.

Тишина.

Оливия снова постучала тыльной стороной ладони, на этот раз громче и решительнее. С упавшим сердцем она подумала, что, возможно, совершила ошибку, приехав сюда. Даже не «возможно», а совершенно определено.

После довольно долгого промежутка времени, показавшегося ей вечностью, дверь неожиданно открылась.

Отступив на шаг, Оливия разглядела неопрятную служанку в грязноватом перекосившемся чепце. Свисающие пряди волос, демонстрировали тщетную попытку скрыть слишком большие уши. Женщина изумленно уставилась на Оливию.

– Я хотела бы видеть мистера Уорвика, – сказала девушка.

Костлявая женщина, продолжая тарачиться, вытерла руки о фартук.

– Я Оливия Девоншир, – подчеркнула она, – хотела бы повидаться с мистером Уорвиком, с вашего позволения.

– Он вас ждет? – последовал нахальный вопрос.

– Нет, не ждет. Однако...

Дверь начала закрываться. Оливия привалилась к ней плечом.

– Мистер Уорвик дома?

– Ему сегодня не до гостей.

Женщина налегла на дверь. Оливия толкнула ее назад.

– Он нездоров?

– Можно сказать и так.

– Возможно, я могла бы помочь.

– Никто не может помочь ему.

– Просто скажите ему, что я здесь.

– А я говорю он не станет...

– Я проделала долгий путь... и мне обязательно нужно поговорить с... ним...

Упершись одним плечом в дверь, другим – в дверной косяк, Оливия заявила:

– Если вы не доложите ему обо мне, я сделаю это сама! – с этими словами она ворвалась внутрь, отпихнув воинственную служанку в сторону.

– Эй, кто вы такая, чтоб вламываться в дом мужчины, как какой-нибудь королевский стражник?

Глядя на раскрасневшуюся от негодования женщину сквозь запотевшие очки, Оливия сунула руку в сумочку и вытащила визитную карточку, подавая ее настолько вежливо, насколько это было возможно, учитывая сложившиеся обстоятельства.

– Можете доложить ему обо мне.

Служанка ошеломленно наблюдала, как Беатрис проковыляла в двери, закутанная по самые глаза в шерстяные шарфы.

– Кис-кис! – громко позвала Беатрис. – Сюда, кисонька!

Повернувшись к Оливии, она воскликнула:

– О Господи, я потеряла его!

Оливия улыбнулась, глядя в обеспокоенные глаза старой женщины.

– Послушайте, милая. Мы приехали в Брайтуайт повидаться с мистером Уорвиком. Помнишь?

Беатрис непонимающе воззрилась на нее. У ближайшей стены стояло старое, потертое кресло. Оливия, мягко взяв Беатрис за плечи, подвела ее к креслу и усадила в него.

– Посиди здесь, – приказала она тихо, но твердо. – Не вставай с этого места, пока я не вернусь. Обещаешь мне? Я ненадолго. А тем временем, эта добрая женщина, может быть, принесет тебе чашку горячего чая.

– Нету у нас чая! – Огрызнулась служанка.

Изо всех сил стараясь скрыть свое отчаяние и нервозность, Оливия повернулась и окинула взглядом огромную галерею, уходящую в темноту.

Так вот какой он, Брайтуайт, – величественный господин пустынных полей. Когда-то это место называлось жемчужиной всего Йоркшира. Уже одно его наследие могло бы посрамить более скромные особняки, такие, например, как дом ее отца.

О, как она мечтала побывать здесь – об руку с Майлзом, конечно. Вместе они могли бы придать друг другу достаточно достоинства, чтобы держать головы высоко в подобии самоуважения перед неприятием света.

Милостивый Боже, дом именно такой, каким она себе его представляла. Величественный холл простирается вверх, и в сумрачных тенях над головой можно разглядеть изумительные лепные потолки, выполненные настолько искусно и замысловато, что они упоминались в исторических хрониках как одно из самых прекрасных произведений искусства Англии. Она рассматривала бледные, овальные лица танцующих херувимов, и у нее возникло ощущение, словно она увидела частичку небесного рая.

А широкая лестница – шедевр архитектурного мастерства эпохи короля Якова I³, увитая и украшенная лепными изображениями плюща и животных! Она вела на верхние этажи комнат, в которых когда-то размещались короли и королевы во время своих визитов в Йоркшир. Сами эти стены были воздвигнуты из каменных глыб Мидлхэмского замка, где рыцари в сверкающих доспехах галантно ухаживали за своими дамами сердца.

Все здесь было именно так, как она и представляла, и даже еще более прекрасно. И все же, когда ее детские мечты и фантазии улеглись, уступив место реальности, образы обозначились еще резче. Она удивленно осмотрелась. На этих внушительных, обшитых деревянными панелями стенах можно было ожидать увидеть бесценные произведения искусства или, по меньшей мере, один-два семейных портрета. Но не было ничего, кроме пустоты и теней, которые подрагивали от сквозняка, врывающегося через открытую дверь и заигрывающего с пламенем двух свечей, являвшимися единственным освещением холла.

– Вы всегда так врываетесь в чужие дома? – послышался сзади раздраженный голос служанки.

– Нет, не всегда, – рассеянно ответила Оливия, все еще оглядывая каждый уголок дома. – Где он?

– Вы ведете себя так, будто имеете на это право... Тонкая полоска тусклого света пробивалась из-под двери дальше по коридору. Оливия направилась туда, не обращая внимания на возмущенные возгласы служанки.

Девушка слегка приоткрыла дверь, быстро-быстро окидывая взглядом комнату. Жаркий огонь пылал в камине. Напротив него стояло кресло с высокой спинкой, у камина, по одну сторону от кресла была сложена кучка дров. Приглядевшись, Оливия увидела, что поленья – не что иное, как ножки и подлокотники столов и кресел. Обитые тканью сиденья и спинка валялись возле двери.

Движение за спинкой кресла напугало ее, затем чья-то рука опустилась, схватила ножку кресла и швырнула ее в огонь, разметав ворох трескучих искр.

Она тихонько вошла, не сводя взгляда со спинки кресла и приостановилась, когда, наконец, показалась чья-то голова, а затем и плечи.

Опершись локтями о колени, опустив голову, Майлз Уорвик нетвердо держал бутылку виски в одной руке. Одежда его была мокрой и грязной. Рубашка из тонкого, дорогого полотна, казалась почти прозрачной и облепляла тело.

Он поднял глаза.

Ее сердце упало.

³ Яков I – английский король, правящий страной с 1603 по 1625 гг.

Он не проявил признаков удивления неожиданному появлению. Лицо его выглядело еще более изможденным и осунувшимся, чем днем. Эти чудные глаза изменчивого орехового оттенка прежде казавшиеся такими устрашающими, теперь были полны грусти.

– Вы больны? – спросила она. – Или просто пьяны?

Он отвел глаза и испустил стон. Ни секунды не раздумывая и не мешкая, Оливия охватила с каминной полки треснувшую вазу и сунула ему под подбородок.

Минуту спустя она повернулась к изумленной служанке, неуклюже топтавшейся в дверях.

– Я бы попросила вас принести вашему хозяину одеяло – он явно простужен – и какую-нибудь сухую одежду. И еще, у вас есть хлеб?

– Это все, что у нас есть, – последовал угрюмый ответ.

– Хорошо. Принесите мистеру Уорвику чашку горячей воды и хлеба. Поскорее, если можно, – подчеркнула она.

Служанка еще с минуту помедлила, но подчинилась.

Когда женщина ушла, Оливия вынула бутылку виски из руки Майлза и поставила ее вместе с вазой на стол. Затем встала немного поодаль, в то время как Уорвик продолжал держаться за голову.

Минута шла за минутой, Оливия уже начала думать, что он позабыл о ее присутствии или, возможно, уснул с открытыми глазами. Он не говорил и не шевелился, а просто продолжал неотрывно смотреть на пол между своих сапог, в то время как комната, казалось, становилась все холоднее, а тишина – напряженнее.

Где эта чертова служанка?

Наконец его голова поднялась. Уорвик еще раз оглядел свою гостью. Он рассматривал ее пристально и бесстрастно, и она почувствовала прилив краски к лицу.

Похоже, он был готов заговорить, когда появилась горничная с ворохом помятой одежды и одеялом. Беатрис семенила следом, неся поднос с хлебом и водой.

Женщина бросила одежду и одеяло на пол возле ног Уорвика, круто развернулась и вышла из комнаты. Беатрис, явно не зная что делать со своей ношей, в отчаянии воззрилась на Оливию. Та поспешила забрать у нее поднос и мягко приказала старой няне вернуться в холл и никуда не уходить. Беатрис послушно поплелась к двери, задержавшись только, чтобы сказать:

– Я еще не настолько глупа, чтобы не понять, что он пьян.

Оливия обернулась и обнаружила, что Майлз снова смотрит на нее. Она попыталась улыбнуться.

– Случается, на нее находит временное затмение, пояснила она, удивив саму себя.

– Кис-кис! – послышался голос Беатрис из холла. – Где ты, котик?

– Вам станет намного лучше, если вы что-нибудь съедите, – продолжила Оливия, чувствуя себя глупо оттого, что пыталась заглушить голос Беатрис, которая явно не собиралась тихо сидеть в коридоре.

– Эй! – закричала служанка Уорвика. – Туда нельзя!

Поставив поднос на стол возле кресла, Оливия старалась не думать о том, что ее лицо пылает. Хотелось бы снять с себя шерстяной плащ, но, с другой стороны, она не собиралась оставаться здесь дольше, чем необходимо, особенно учитывая то, как пугающе пристально разглядывал ее Уорвик.

– Хлеб впитает в себя виски, оставшееся у вас в желудке, – объяснила она и налила в чашку горячей воды. – А горячая вода поможет разбавить спиртное и согреет вас. Встретившись с его напряженным взглядом, она протянула ему чашку и блюдце, радуясь, что ее рука не дрожит.

Он проигнорировал и то, и другое. Девушка осторожно вернула чашку с блюдцем на поднос и спрятала руки в складках плаща. Возникло такое ощущение, будто у нее вместо позвоночника молния. Каждый нерв в теле, казалось, был наэлектризован. Наконец он заговорил.

– Кто вы, черт возьми? – спросил он хриплым, невнятным голосом.

Она ожидала чего угодно, но только не этого.

– Прошу прощения... – неуверенно отозвалась Оливия.

– Я говорю, кто вы такая, черт возьми? И что делаете в моем доме?

– Оливия Девоншир. Мы встречались сегодня.

– Вы не Оливия Девоншир, – прервал он. – Я встречал мисс Девоншир раньше и... – Нахмурившись, Майлз побледнел, нервно взглянул на вазу и сделал медленный, осторожный вдох. Прошла минута и он, казалось, расслабился. Лишь тогда его черные глаза вернулись к ней. Усталость тенью легла на его лицо.

– Днем вы выглядели куда симпатичнее, – равнодушно заметил он.

Почувствовав, что ее спина окаменела, девушка слегка вздернула подбородок и постаралась взять себя в руки.

– А вы – трезвее, – сухо ответила она.

Промолчав, он откинулся на спинку кресла, вытянув вперед свои длинные ноги. С сапог на когда-то великолепный ковер с замысловатыми турецкими узорами потекла грязь. Но несмотря на все это, было в его облике что-то царственное, заставляющее ее чувствовать себя рядом с ним невзрачной серой мышкой.

– Дело в очках, – наконец сказал он. – Это весьма нелестно для вас, мисс Девоншир, но они совсем не идут вам.

Ее первым побуждением было сдернуть очки с носа. Но она сдержала этот порыв.

Лицо Уорвика, повернутое в профиль к пылающему в камине огню, оставалось недвижимым в своей задумчивой сосредоточенности. Похоже, что он намеренно распаляет ее гнев, как сегодня днем.

– Если вы приехали сюда по поводу моей женитьбы на вас..., – начал он.

У Оливии отнялся язык.

– Не хотел бы показаться бессердечным, но я не женюсь на вас. Так что можете возвращаться к вашему отцу и передать ему это.

– Вы так подумали, сэръ? Что я приехала сюда умолять вас жениться на мне? О, ну, разумеется, с вашим высокомерием меня это не удивляет. – Она рассмеялась настолько непринужденно, насколько позволил ее скрытый гнев. – Я приехала только для того, чтобы извиниться за поведение отца. Знай я, что он вынашивает мысль о нашем браке, я бы немедленно заставила его выбросить этот бред из головы. Это же просто смешно. Я вполне довольна своей жизнью. Просить вас жениться на мне, сэръ? Когда я живу в теплом и сухом доме? Когда мой дом изобилует всяческой снедью? Не говоря уже о слугах, которые опрятны, уважительны и расторопны. Скажите, зачем мне отказываться от всего этого, чтобы выйти за какого-то нищего пьяницу, которого вся Англия называет аморальным типом, развратником и беспринципным негодяем?

Майлз пожал плечами.

– Чтобы спасти свое лицо, полагаю. Почему вообще женщины делают то, что они делают?

Взгляд его скользнул к огню, и долгое время Оливия любовалась пляской отраженного в его глазах пламени. Она чувствовала себя какой-то зачарованной и опустошенной. В его словах была доля правды. Причины, по которым она решила на эту поездку, могли быть замаскированы под извинения за отца или даже под гнев на Уорвика за то, что он так надменно отверг его предложение. На самом деле она втайне надеялась, что он передумает. Даже если потом сама с презрением отвергнет его.

– Что ж, – заявила она решительным тоном, – я сказала то, что собиралась сказать. Оставляю вас один на один с вашим одиночеством.

– Но почему, мисс Девоншир? Вы же только приехали. – Улыбка на его красивых губах не затронула глаз. – Подозреваю, что последнее, чего бы вам хотелось, это снова пускаться в путь в такую погоду. Может, выпьете со мной?

Не давая ей возможности ответить, он поднялся с кресла. В его изящных, быстрых движениях не было и намека на недавнюю слабость. Это снова был беззаботным весельчаком.

Выплеснув воду из чашки в огонь, Майлз наполнил ее виски и подал ей.

Решится ли она?

– Почему бы и нет? – сказал он, словно читая ее мысли. – Едва ли ваша репутация пострадает от этого еще больше.

Она нехотя протянула руку за чашкой. Почти игриво он убрал ее.

– Одно условие, – сказал он. – Снимите плащ. Она покачала головой.

– Я не могу здесь больше оставаться.

– Ненадолго. Можете выпить и ехать.

– Хорошо.

Она сняла плащ. Он взял его и швырнул на спинку дивана. Внезапно она почувствовала себя слабой, незащищенной и уязвимой. Девушка неосознанно пробежала руками по своим темным, тщательно уложенным волосам, гадая, сравнивает ли он ее с Эмили, чьи волосы белокуры и полны солнечного света. Ну разумеется. Они все так делают. Мужчины, подобные Майлзу Уорвику, всегда предпочитают женщин изящных, светловолосых и белокожих. Таких, как Эмили. Таких, как ее мать.

Он молчал, стоя перед ней с чашкой в руке. Однако его глаза были красноречивее слов, лениво скользя от ее макушки до пальцев ног. Молчание затянулось, постепенно наполняясь незначительными звуками – потрескиванием огня в камине, тиканьем часов и едва слышным шуршанием снежной крупы о стекло.

Наконец он протянул ей чашку. Пожалуй, она приняла ее с чрезмерной готовностью.

– Предлагаю тост, – произнес Майлз, поднимая бутылку. – За двух неудачников, застигнутых бурей.

– Какой бурей? – поинтересовалась Оливия. – Той, что там? – Девушка махнула в сторону окна. – Или той, что внутри?

Он удивленно поднял брови. В его глазах что-то промелькнуло. Насмешка? Что бы это ни было, ее слова вызвали у него улыбку, хотя и ненадолго. Пальцы Оливии сжимали чашку с виски, как спасательный круг.

– Садитесь, – сказал он ей, указав на небольшое кресло у камина. – О, ради Бога, извините, – поспешил добавить он с ноткой сарказма. – Не изволите ли присесть, сударыня? Молю простить меня за нарушение этикета: у меня не часто бывают гости. Мало-помалу привыкаешь иметь дело с несговорчивыми слугами.

– По-моему, любая несговорчивость со стороны слуги требует немедленного увольнения, – отозвалась она, многозначительно взглянув в сторону двери, где за порогом все так же топталась горничная.

– Вы хозяин Брайтуайта?

Он ничего не ответил, а просто откинул голову на спинку обитого парчой кресла и уставился в пространство.

– Хозяин этого дома? Позвольте с вами не согласиться, мисс Девоншир. Никто не властен над Брайтуайтом. Кроме того, как можно быть хозяином пустоты?

– Вы хотели сказать одиночества, мистер Уорвик.

– Разве я похож на одинокого человека, мисс Девоншир?

– Думаю, если б я жила здесь одна, то стала бы бояться за свой рассудок.

Он издал какой-то тихий звук, а затем позволил мыслям раствориться в лучах пламени, где они и пребывали некоторое время, между тем как Оливия делала глоток за глотком из своей

чашки и любовалась отсветом пламени, отражающимся на его словно высеченных из гранита чертах лица. Внезапно он поднял глаза и поймал ее взгляд.

– Что такого привлекательного вы находите во мне? – спросил Уорвик. – Только не говорите, что никогда раньше не имели сердечных дел с аморальным типом.

– Нет, – ответила она. – Полагаю, не имела.

– А-а. Стало быть только с цыганами и татуировщиками?

Он отхлебнул виски и ненадолго прикрыл глаза, потом махнул на кресло у камина.

– Пожалуйста, садитесь.

Помедлив, она все же села и почувствовала облегчение. Сколько она простояла, неподвижная, как статуя, сказать трудно.

– Итак, скажите мне, мисс Девоншир, это ваш первый визит в Брайтуайт?

– Да.

– Он таков, как вы ожидали? – Да.

Мужчина поднял голову и удивленно поглядел на нее.

– Как так?

– Он такой величественный.

– Это и дураку понятно. Лучше скажите, что вы думаете об этом? – Он обвел рукой комнату. – Как вы находите моих собеседников?

– Они мертвы, – ответила она, переводя взгляд с одного чучела животного на другое.

– А остальной дом?

– Холодный и темный.

– Что ж, вы попали в точку. Холодный, темный и полный мертвецов. Какое из живых существ обрело бы себя на жизнь в подобном окружении, спрашиваю я вас?

Допив содержимое чашки, Оливия протянула ее Майлзу, чтобы наполнить вновь. Он сделал это и встретился с ее глазами, когда возвращал чашку.

– Личинка, – ответила она, дерзко вздернув подбородок. – Летучая мышь. Вампир. Даже хуже того. Слизняк. Жук. Червяк.

Он поднял руку, словно отклонял слова.

– Довольно. Личинка и червяк? Бог мой. Полагаю, мне следует сказать спасибо, что вы не назвали меня грибковой плесенью.

– Но у плесени нет ни сердца, ни разума, ни души, сэр.

Он рассмеялся хриловатым смехом. От музыки этих звуков у нее перехватило дыхание.

– Ни сердца? Ни души? – Уорвик неубедительно нахмурился, что отнюдь не погасило веселых искорок в его черных глазах. – Если учесть, что меня всю жизнь называли бессердечным и бездушным негодяем, мисс Девоншир, пожалуй, я бы склонился скорее к плесени.

– Но ведь вы живы. Вы дышите. И даже смеетесь. Поэтому у вас должно быть сердце.

– Признаюсь, никогда не видел смеющейся плесени.

– Или личинки, или червя!

– Продолжайте. Ради Бога, продолжайте. Мое самоуважение растет с каждой секундой.

– Вы ходите на двух ногах?

– Как правило.

– А поскольку я не знаю четырехногого животного, которое предпочитает в одиночестве жить в темном, сыром и холодном доме, то остаются только люди. – Она помолчала, как бы размышляя. – Так что вы либо монах, либо отшельник.

– Кем бы я ни был, – ответил он, озорно вскинув бровь, – но монахом меня никак не назовешь, дорогая.

Оливия засмеялась. Вернее, захихикала. Это прозвучало довольно странно для нее самой, и девушка в изумлении взглянула на свою пустую чашку. Лицо горело. От огня камина ей стало жарко. Или, быть может, это из-за того, что Уорвик сидел в своем кресле, небрежно

вытянув вперед, длинные, но изящной формы ноги. Рубашка его начала высыхать, но еще оставались места, где влажная ткань липла к коже, предлагая взору тончайшие очертания и движения тела под ней. Она поймала себя на том, что неотрывно смотрит на темное пятнышко в форме монеты на его груди и скоро осознала, что это сосок.

Взгляд девушки метнулся назад, к его лицу и обнаружил, что он наблюдает за ней с такой напряженностью, от которой искра благоразумия тут же словно молния ударила прямо из мозга в сердце. Что она делает, сидя в компании Майлза Уорвика в такой поздний час?

И почему он на нее так смотрит? С таким любопытством? С такой сосредоточенностью? Все опасности, которые она временно предала забвению, нахлынули на нее с новой силой, едва только слабая улыбка заиграла на его губах. Девушка моментально протрезвела, и у нее возникло желание немедленно убежать отсюда.

– Не беспокойтесь, – сказал Уорвик, – ваша прическа в полном порядке.

Не сознавая, что ее рука бессознательно приглаживает волосы, Оливия застыла.

– Очки сидят ровно.

Она все равно поправила их.

– Зачем вы носите их? – полюбопытствовал он.

– Потому что плохо вижу, – ответила Оливия.

– Черта с два. Сегодня днем вы были без них и отлично меня видели.

Сегодня днем? Сейчас, когда она сидела здесь у камина, а в окно стучал ветер, эта дневная встреча казалась такой далекой.

– Снимите их, – потребовал Майлз. – Они мне не нравятся.

– Меня это мало волнует, – отозвалась она.

– Они так искажают ваши глаза, что кажется, будто вы смотрите на меня из аквариума.

– Я не могу читать без них.

– Но сейчас же вы не читаете?

– Нет. – Она покачала головой. – Я не снимаю их.

– Прекрасно. Тогда скажите мне, почему вы носите такую прическу?

– Прошу прощения?

– Она отвратительна.

– Я...

– И это платье на вас. Оно ужасно. Серый цвет вам не идет. Вы как будто в трауре. Или вы в трауре, мисс Девоншир?

– Не думаю, сэ, что вы имеете право оскорблять меня, когда сами сидите в грязных сапогах, мокрой одежде, с подозрительного происхождения пятном на рубашке.

Он молча глядел на нее. К своему ужасу, Оливия почувствовала, что глаза ее наполняются слезами. Она действительно слишком много выпила. Бели моргнуть, слезы потекут в два ручья. Но Оливия давно знала, что если продолжать смотреть прямо перед собой – не шевелить головой и не моргать, – то можно вполне успешно скрыть свои эмоции. Если она поспешит извиниться, то, может успеть добежать до кареты, прежде чем разревется.

Глава 4

Уорвик встал с кресла и стал ходить по комнате, отшвыривая и пиная все, что попадалось на пути. Он подошел к двери и встал там, спиной к Оливии.

– Были времена, – сказал он в полумрак, – когда в этом доме повсюду слышался шум, разговоры, смех. Большею частью прислуги, но это не имело значения. Я знал, что если громко закричу, кто-нибудь обязательно придет.

Оглянувшись на нее, он продолжил.

– Моей заветнейшей мечтой было, чтобы Брайтуайт принадлежал мне. Это стало навязчивой идеей. Я, бывало, лежал по ночам в постели и воображал, как я иду по этим холлам, оглядывая все вокруг, и пытался представить гордость, которую испытывал бы – чувство собственной значимости, захватывающее ощущение принадлежности чему-то, наконец...

Голос его умолк, но он не шевелился. Оливия тоже сидела не шелохнувшись и даже не дыша. Обида и смущение, испытываемые минуту назад, испарились в тот момент, когда она смотрела на широкую спину мужчины и черные, подсыхающие волосы, которые свободными густыми прядями рассыпались по воротнику рубашки. Ощущение какого-то странного, пьянящего восторга растеклось по жилам. Она осознала, что перед ней сейчас тот Майлз Уорвик, которого мало кто когда-либо видел. Нет сомнения, это говорило виски – она, разумеется, была знакома с воздействием, которое спиртное оказывает на здравомыслие человека, – но также знала, что в нем заключается истина.

И все же он говорил не как пьяный. Слова были вполне разборчивы.

– Потом мой отец умер, и все перешло к Рэндольфу. Когда Рэндольф погиб от несчастного случая на охоте, я надеялся – молился, – что каким-то образом дом перейдет ко мне. Дэмиен, в конце концов, поселился на Миссисипи и не проявлял интереса к Брайтуайту. Но, разумеется, он вернулся и завладел всем. Внезапно я даже перестал быть желанным гостем в доме, в котором вырос. Заметьте, мисс Девоншир, я ничуть не виню Дэмиена. Я никогда не был образцовым братом.

Повернувшись к ней, Майлз прислонился к дверному косяку и провел рукой по волосам.

– Вы, конечно же, слышали слухи о том, что я покушался на него. Что ж, – бросил он с ноткой вызова в голосе, – это правда.

Наконец Майлз поглядел на нее в упор, и прекрасное божество мгновенно исчезло в мрачной пучине раскаяния.

– Как, мисс Девоншир? Ни испуганного возгласа? Ни обморока? Возможно, то, что я о вас слышал, тоже правда?

– Возможно, – просто сказала она и поправила очки. – Продолжайте же, мистер Уорвик.

– Ей-богу, вы исключительная девушка, мисс Девоншир. Прекрасно. Я пытался убить его дважды. Один раз на охоте, разумеется, притворившись, что ружье дало осечку. Во второй раз я разрезал подпругу его седла. Он отделался сломанной ногой, и только. Вы все еще не в обмороке от ужаса, мисс Девоншир?

– Полагаю, вам бы этого хотелось. В конце концов, разве вы не создали свою репутацию с помощью людей, которых легко шокировать? Или, быть может, вы просто пытаетесь напугать меня, полагая, что я в ужасе убегу и больше никогда не появлюсь в Брайтуайте. В самом деле, сэр. Вам нет нужды прибегать к таким крайним мерам, уверяю вас. – Она вскинула брови и улыбнулась. – Кроме того, меня не так легко шокировать. Да и как это возможно, учитывая мою собственную репутацию?

– Да, действительно. – Он задумчиво разглядывал ее. – Тогда, может быть, если я скажу вам, что это из-за меня Дэмиен потащился в ту богом забытую страну, называемую Миссисипи, вы измените свое мнение. Видите ли, я спал с его невестой в ночь перед свадьбой, и он застукал

нас. Это была всецело идея девушки – она просто не хотела выходить за Дейма. Однако, думаю, в конце концов, все обернулось к лучшему. Когда через пять лет Дейм вернулся в Англию, он встретил Бонни.

От выражения, промелькнувшего на лице мужчины, у Оливии неприятно защемило в груди. Она слышала слухи и о Бонни – якобы Майлз был тайно влюблен в женщину.

Он отошел от двери и приблизился к окну.

– Идите сюда, мисс Девоншир.

Суровая непреклонность его голоса застигла девушку врасплох. Она была слишком поглощена захлестнувшей ее волной болезненных эмоций, которые он всколыхнул, упомянув имя другой женщины. Как иронично, подумала она, учитывая, что его попытки шокировать ее не произвели на нее ни малейшего впечатления.

– Идите сюда, – повторил он.

Отставив чашку с блюдцем в сторону, Оливия заставила себя встать. Ноги были ватными. Это же просто нелепо. Она никогда не была трусихой.

– Мисс Девоншир?

Оливия подошла и встала рядом, разумеется, соблюдая почтительное расстояние, глядя на огромный сад засохших и почерневших розовых кустов.

– Раньше, – начал он, – с наступлением лета этот сад превращался в трепещущую, мерцающую радугу цветов. Бог мой, какая это была красота. Моя спальня выходила окнами в сад, и в течение тех месяцев, когда розы цвели, я просыпался по утрам, а их аромат был таким сильным, что у меня начинала кружиться голова.

Оливия изо всех сил пыталась представить этот безжизненный сад в цвету. Но глаза ее упорно продолжали видеть лишь отражение мужчины в темном, залитом дождем окне.

На мгновение ей почудилось, что она увидела мальчика, любящегося благоухающим розовым садом.

– Я, бывало, сидел на окне и смотрел, как мать Дейма ухаживает за цветами. Я смотрел на ее руки, как нежно они касались крошечных бутонов. Она дотрагивалась до своих детей с такой же нежностью, и я ловил себя на том, что хотел бы...

Нахмурившись, он прижал палец к капельке влаги выступившей на стекле и с ожесточением потер ее словно изо всех сил пытаясь стереть тот мысленный образ, который возник из глубин памяти.

– Если розы доставляют вам такое удовольствие, почему вы позволили им погибнуть? – неуверенно спросила Оливия.

– Они были уже мертвы к тому времени, как я поселился здесь.

– Вы уверены?

Уорвик взглянул на нее, и она, не решаясь встретиться с его взглядом, продолжала смотреть на отражение в окне.

– Из этой комнаты есть выход в сад? – спросила она.

Он указал на французские двери в углу. Оливия подошла к ним и, найдя их незапертыми, открыла и вышла на веранду. Стена дома преграждала здесь путь порывам ветра, и, хотя ледяная крупа продолжала сыпать с черного неба, холод не казался таким невыносимым.

Свет из окон слабо освещал выложенные кирпичом дорожки, разделяющие сад на аккуратные участки. Сойдя с веранды в сырую полутьму, девушка отыскала ближайший куст и присела рядом с ним. Сорняки и опавшие листья, накопившиеся за годы запустения, лежали толстым слоем вокруг основания куста. Расчистив его с некоторым усилием, Оливия обнаружила единственный шип, торчащий на стебле.

– Мистер Уорвик! – крикнула она. Не получив ответа, девушка взглянула через плечо и на фоне окна увидела силуэт его высокой фигуры.

– Идите сюда, – попросила она. – побыстрее, если можно. Мне не хотелось бы окончательно заоченеть, пока вы будете стоять там и предаваться тоске.

Он неохотно подошел и опустился на колени рядом. Указав дрожащим пальцем на стельку, она сказала:

– Он еще жив. Видите? Вон там, где я оторвала шип. Держу пари, что если расчистить весь мусор, вы обнаружите, что у вашего сада еще есть надежда.

– Вы так думаете?

Его голос прозвучал совсем рядом с непривычной мягкостью и надеждой.

– Конечно.

Нет, ее голос не дрогнул, но сохранил безразличную монотонность, которую она оттачивала годами.

– Как только все это очистится и прогреет солнце, уверена, ваши розы оживут. В конце концов ничего хорошего не выходит из полнейшей темноты.

Он молчал и не шевелился, между тем как холодные крупинки шелестели по опавшим листьям, пестрым ковром устилающим землю. Наконец, не в силах удержаться, она медленно перевела взгляд на лицо мужчины, в волнении обнаружив, что тот смотрит на нее, а не на растение. Она глядела на него сквозь влажные стекла очков и не дышала, отчаянно жалея, что не сняла очки, как он просил. И что на ней это платье, но, с другой стороны, у нее нет ничего лучше. Тратить деньги на модную одежду для себя всегда казалось ей пустым расточительством.

Поднявшись, Оливия, насколько возможно вытерла грязь с рук и поспешила обратно в дом, к камину. Затем закрыла глаза, позволяя теплу огня согреть ее. Прошло несколько мгновений, прежде чем дверь позади закрылась. Сейчас он скажет ей уходить и напомнит, что она нежеланный, незванный гость. И что не ее дело копаться в его мертвом саду и...

– Вы простудитесь, – услышала Оливия его голос. Одеяло легло ей на плечи. Укутавшись в него и уставившись в огонь, она попыталась сказать спасибо, но к ее ужасу у нее не выпело ничего кроме беззвучного шевеления губ.

Они стояли некоторое время молча, глядя в огонь, в то время как ножки и ручки кресла потрескивали, медленно превращаясь в угольно-красные головешки.

– Это было очень красивое кресло, – сказала она.

– Да.

– У вас нет денег на топливо?

– Нет.

– И что вы теперь будете делать?

– Наверное, сожгу диван.

Оливия рассмеялась и взглянула на Уорвика. Его лицо освещал золотистый свет огня, и впервые она заметила крошечные морщинки, лучиками разбегавшиеся из уголков глаз. Две вертикальные полосы виднелись между бровей. Лицо заросло щетиной. От него исходил слабый запах виски и дождя.

Очень медленно Майлз протянул руку к ее очкам и снял их с крайней осторожностью.

– Так лучше, – сказал он. – Мне гораздо больше нравятся ваши глаза, когда их выражение не искажено гневом. У вас очень красивые глаза, мисс Девоншир.

Они стояли так несколько мгновений, застигнутые врасплох внезапной вспышкой чувственности, которая возникла между ними так же ярко, как языки огня в камине.

Неужели он действительно может находить ее, хотя бы в самом отдаленном смысле, привлекательной, недоумевала Оливия. Или это просто еще одна уловка, чтобы смутить ее? Чтобы вынудить ее убежать отсюда и больше никогда не появляться на пороге этого дома?

О Боже, думал он. Либо он слишком долго был без женщины, либо Оливия Девоншир куда привлекательнее, чем он представлял. С этим лицом, омытым дождем, с бусинками влаги,

прилипшими к шелковистым черным ресницам. Изгиб ее груди ничем не был обязан тем хитростям, к которым часто прибегают женщины. На какой-то миг он вдруг представил как захватывает их в плен своих рук, возможно, прячет лицо в их мягкой пышности... а ее длинные ноги обвиваются вокруг него. Или, может, она предпочитает, чтобы все было грубо, бурно и несдержанно, в конце концов, она ведь парадокс, женщина в обличье старой девы с сердцем и душой шлюхи. Может, она пришла сюда совсем не для того, чтобы склонить его к браку. Возможно, у нее на уме не было ничего, кроме кувыркания в простынях. В этом случае...

– Скажите, – начал он. – Зачем вы, на самом деле, пришли сюда, мисс Девоншир?

Оливия тоскливо взглянула на очки, свисающие с его указательного пальца.

– Я же сказала вам. Чтобы извиниться...

– Бросьте. Я был с вами более чем откровенен. Думаю, что заслуживаю такого же отношения.

Сложив очки, он положил их в карман брюк, не сводя с нее взгляда. Огромные глаза девушки с каждой секундой становились еще больше. И все же, когда он обхватил ее одной рукой за затылок, то почувствовал, как она вздрогнула и затрепетала, и на какой-то миг ему показалось, что девушка сейчас убежит.

Но она не убежала. Просто оставалась совершенно неподвижной. Ее дыхание участилось, а мягкие розовые губы приоткрылись, испуская слабый возглас удивления. Или, быть может, это было просто желание.

Он шагнул к ней, прижимаясь к ее телу своим, в то время как пальцы нежно стиснули затылок Оливии, скользнув выше, в узел волос, который от легкого нажима освободился от удерживавших его шпилек и рассыпался по плечам и спине. Она вытянула руку в слабой попытке сопротивления, вызвав у него ту дьявольскую улыбку, которая заставляла трепетать от сладостного восторга самых невинных девственниц.

– Не надо, – с усилием прошептала она. – Вы не должны. Вы просто стараетесь снова шокировать меня и...

– Разве это я делаю, милая? – он тихо рассмеялся, недоумевая сам. – Возможно, вначале, но не сейчас...

Скользнув рукой вокруг талии девушки, он крепко прижал ее к себе. Короткое мгновение она отчаянно сопротивлялась, испуганно глядя в его глаза. Как изменилась она за какую-то секунду с этими густыми, мягкими волнами волос, обрамляющими лицо с запрокинутой головой, частично обнажающей изгиб шеи. О, да. Он мог представить себе, как эта женщина соблазняет целый табор цыган. Или, быть может, одного из арендаторов своего отца. Или даже какого-нибудь не слишком благородного аристократа – такого, как он сам, – который утонул в водовороте ее глаз. Если бы он был умнее, то отослал бы ее к отцу с запиской, что Майлз Кембалл Уорвик не дурак, когда дело касается женщин, что его не так легко обвести вокруг пальца, но в этот момент он отнюдь не чувствовал себя таким уж умным. И он чертовски долго был без женщины...

Он выдохнул прямо ей в ухо.

Она ахнула.

Он мягко прикусил нежную, ароматную кожу за ухом.

Она растворилась в его объятиях.

Он поцеловал ее, вначале робко, слегка коснувшись ртом уголка ее рта, затем медленно, легко скользнул по ее дрожащим губам, которые оказались намного мягче, чем он представлял. Затем язык мужчины коснулся ее языка. Его рука утонула в ее волосах, глядя изгиб головы и удерживая ее твердо, по-собственнически, между тем как нервные окончания его тела оборачивались мельчайшими точками наслаждения и боли.

Оливия застонала от пьянящего восторга, мгновенно лишившего ее силы воли и способности двигаться. Тепло и влага его рта были восхитительными, захватывающими. Она даже не

представляла, что это будет так необыкновенно. Так божественно. Всю жизнь ждала она этого момента.

Ее разум затуманился, а тело жадно откликалось на ласки, прижимаясь еще теснее, с готовностью раскрывая губы навстречу его языку, навстречу ритму, от которого тело ее превращалось в трепещущую, безвольную массу. Поколебавшись лишь мгновение, она обхватила его руками за шею и погрузила пальцы в его чудесные волосы. Она мечтала об этом большую часть своей жизни и ответила на поцелуй с такой несдержанностью, которая поразила бы ее саму еще минуту назад.

Он оторвался. Резко. Тяжело дыша. Глаза его пылали страстью.

Реальность камнем обрушилась на нее.

Майлз отступил. Несколько секунд они стояли друг против друга в неловком молчании. Наконец Майлз отошел. Прислонившись к столу, он скрестил руки на груди и вперил в нее суровый взгляд, не в состоянии скрыть своего волнения.

– Кто он был? – требовательно спросил он. – Вернее, кто он такой?

Оливия нахмурилась и в отчаянии взглянула на шпильки, разбросанные по полу. Думать она не могла.

– Не прикидывайтесь дурочкой. Вы знаете, о ком я. Об отце мальчишки. Кто он?

Этот внезапный поворот разговора взволновал Оливию больше, чем все предыдущее. То, что он заговорил на эту тему так прямолинейно, сделало комнату невыносимо жаркой.

– Это не ваше дело, – наконец выдавила она.

– Ваш отец сделал его моим.

– Вы отвергли предложение моего отца, поэтому это не ваше дело.

– Вы любили его?

Где же ее накидка? На диване. Чтобы взять ее, придется пройти мимо него. Она не была уверена, что сможет, ибо колени ее подгибались, а сердце, как загнанный заяц, прыгало в груди. Как глупо было подумать, что она сумеет противостоять такому недисциплинированному мужчине, как Майлз Уорвик, и надеяться уйти невредимой.

Она попыталась сосредоточить свои мысли на побеге.

– Я знаю его? – не унимался он.

– Мне действительно пора. – Она направилась к дивану.

– Он здешний?

– Мне не следовало приезжать. Это, конечно же, было глупо.

– Он знает о мальчишке?

– Мальчика зовут Брайан.

– Он помогает содержать мальчишку?

– Брайана. Его зовут Брайан, – подчеркнула Оливия со все возрастающим чувством тревоги.

– Он женат? Очевидно, женат, иначе бы женился на вас. Вы все еще любовники?

Шагнув в сторону, он преградил ей путь к дивану, заставив резко остановиться. Все равно она отказывалась смотреть ему в глаза и попыталась обойти его. Майлз снова остановил ее, шагнув в сторону.

– Я вежливо задал вам вопрос, – сказал он.

– А я так же вежливо ответила вам, что это не ваше дело.

– Должно быть, вы очень сильно любили его, если продолжаете защищать его имя и репутацию, тогда как от вашей не осталось камня на камне.

– Мне действительно пора. С вашего позволения.

– Я понял. Вы думали, что, попав в эту переделку, заставите негодяя жениться на вас, тем самым избавив вас от прозябания в обществе вашего отца и сестрицы. А! Я, должно быть, недалеко от истины. Ваши глаза вспыхнули, а щеки порозовели.

– Эта тема разговора совершенно неприемлема.

– Нет, мадемуазель, это ваша репутация неприемлема. Ваш приезд сюда – на ночь глядя – неприемлем. Ваша манера одеваться неприемлема. Ваше поведение неприемлемо. Ваши попытки соблазнить меня, чтоб заставить жениться, неприемлемы. Продолжать? Ваш отец сказал мне, что вы дали своей матери клятву заботиться об отце и сестре. Когда стало очевидно, что вам уже вряд ли удастся выйти замуж и покинуть Девонсуик, вы завели интрижку, думая, что беременность поможет вам уйти из-под опеки сестры и отцовского самодурства.

– Вы закончили? – отчеканила Оливия.

– Пожалуй, нет еще. Дайте мне подумать пару минут. А пока присядьте и налейте себе еще.

– Я скорее умру от жажды и холода, чем снова сяду в это кресло перед этим камином и стану пить с вами. – Она сделала шаг в сторону, обходя его. На этот раз он ее не остановил. Схватив накидку, она направилась к двери, на ходу надевая ее.

Где Беатрис? Остановившись, Оливия поглядела в одну сторону, потом в другую, не увидев ничего, кроме сумрачных теней, маячивших на стенах.

– Проклятье, – тихо пробормотала девушка. – Где же она?

– Наверное, ищет своего кота, – произнес Уорвик позади нее. – Возвращайтесь сюда, мисс Девоншир, к теплу. Я даже брошу еще один стул в огонь.

– Беатрис! – позвала она.

– Знаете, этот дом имеет обыкновение пожирать людей.

– Беатрис!

– Здесь она! – послышался голос сверху. Горничная показалась на верху лестницы. Чепец сполз ей на лоб.

– Зга глупая женщина здесь, – произнесла она тоном, в котором сквозило раздражение.

Оливия побежала вверх по ступенькам, стараясь не обращать внимание на то, что Майлз следует за ней по пятам, перепрыгивая через две ступеньки.

К отчаянию Оливии, служанка привела ее в большую спальню, где Беатрис уснула. В спальне Майлза. В его постели. Она мирно посапывала, положив свою седую голову на его подушку и натянув одеяло до подбородка.

– Полагаю, кота она не нашла, – заметил Майлз, стоя в дверях.

Оливия стояла у подножия огромной кровати с пологом, и с нежностью глядела на свою старую няню, гадая, стоит ли рассказать их хозяину, что кот Диккенс умер шесть лет назад. Чувство подавленности охватило ее. Внезапное осознание того, что она стоит в спальне Уорвика, не помогло. Как и появившаяся на его лице улыбка кота, сожравшего канарейку.

– Мне очень жаль, – натянуто произнесла Оливия. – Беатрис расположилась здесь как дома.

– Похоже.

– Если вы поможете мне, я подниму ее.

– Не стоит.

– Но вы не понимаете. Беатрис любит поспать. Бели она уснула, то проспит всю ночь.

– Обычно все так и делают.

Все больше расстраиваясь, Оливия бросила в его сторону раздраженный взгляд. Он лишь пожал плечами.

– Похоже, что вам все-таки придется задержаться.

– И снова позволить вам оскорблять меня? Не думаю. Беатрис! Беатрис! Проснись.

– А если я пообещаю быть любезным?

– Сильно сомневаюсь, что такое слово существует в вашем лексиконе, мистер Уорвик.

– Ну, хороню. Если я просто пообещаю не заводить разговор о ваших любовниках?

Оливия снова неистово тряхнула старуху. Беатрис только забормотала во сне.

Майлз подошел сзади и мягко, но решительно взял ее за руку.

– Пусть спит, – повторил он.

– Уберите руки, сэр.

– Я пришлю ее домой утром. Бог мой, а вы, оказывается, умеете кусаться, если вас раздражить.

– Именно поэтому я не советую вам раздражать меня. Она выдернула руку и направилась к двери, забыв и о Беатрис, и о том, что ее очки все еще остаются у него. Угрюмая служанка отскочила в сторону, когда Оливия вышла из комнаты. И только пройдя порядочное расстояние, она поняла, что идет не в ту сторону. Со стоном она повернула обратно. Вернувшись, обнаружила Уорвика на верхней площадке лестницы. С мизинца у него свисали ее зацепленные за дужку очки.

– Так скажите же мне, – начал он, когда девушка подошла к нему. – Вы рассердились, потому что я сказал, что без этого вы выглядите лучше? – Он указал глазами на очки. – Или потому что я спросил об отце мальчишки? Не хочу думать, что это из-за поцелуя, потому что вам явно понравилось. Или, может быть... – голос его почти понизился до шепота, а лицо стало серьезным, – вы думали о нем, когда я целовал вас?

– Не говорите глупостей. – Оливия попыталась взять очки. Он быстро отдернул руку.

Вздернув подбородок, девушка развернулась и зашагала вниз по ступенькам.

– Прекрасно, – бросила она с вызовом. – Можете оставить их себе на память.

Майлз спустился вниз раньше нее и встал, загораживая дорогу. Он был похож на пирата в своей небрежной одежде, с растрепанными ветром и все еще влажными от дождя волосами. Была в нем какая-то бесшабашность, какая-то необузданность, вспыхнувшая в глазах, которая вновь зачаровала ее. Оливия поняла, что если он снова попытается поцеловать ее, она, пожалуй, сдастся.

– Не уезжайте, – наконец сказал он. – Я прикажу Салли состряпать что-нибудь.

– У нас не из чего стряпать, – последовал колкий ответ сверху.

– Ну, тогда мы поедем хлеба с водой.

– Я... я думаю, нет, учитывая обстоятельства.

– Если вы имеете в виду поцелуй, то не волнуйтесь. Я не думал ни о чем таком. Если, конечно, вы сами не хотите этого?

– И что это должно означать? Он пожал плечами.

– Оставайтесь на ночь, если хотите.

– Сэр, неужели вы намекаете на то, что я думаю? Глаза ее расширились, и он ухмыльнулся. Она попыталась проскочить мимо него, но он выбросил в сторону руку, преграждая ей путь.

– Ладно, – сказал Майлз, когда девушка взглянула на него глазами, полными нарастающего раздражения и негодования. – Я уступаю, мисс Девоншир, – продолжил он спокойно и бесстрастно. – Признаюсь, что позволил своему эгоизму взять надо мной верх. До вашего приезда я хандрил и распустил нюни от жалости к себе. Не Брайтуайта желал я всем своим существом. Права старая пословица: остерегайся своих желаний.

– Да, возможно, не самого дома вам всегда хотелось, ответила она.

Он ничего не сказал, и Оливия ощутила слабую наэлектризованность воздуха. Выражение его лица было одновременно растерянным и сердитым.

– Боюсь, я слишком задержал вас, мисс Девоншир. Могу я пожелать вам доброй ночи?

Глава 5

Утро было холодным, сырым и туманным. Всю ночь шел снег. Длинные ледяные сосульки свисали с ветвей деревьев, окружающих Девонсуик, делая их тяжелые голые ветви похожими на заколдованные плакучие ивы из сказки.

Оливия проснулась с жуткой головной болью. Она почти не спала, перебирая в памяти все подробности встречи с Майлзом Уорвиком, а отрывочные сны вносили в них странные изменения. В половине пятого, она, в конце концов, поднялась с кровати и прошла на кухню, где молоденькая служанка приготовила ей крепкий чай и поставила тарелку оставшихся от ужина оладий. Оливия ела, сидя перед камином, и мысленно отчитывала себя за поездку в Брайтуайт.

Дура. Идиотка. Много она наделала глупостей за свою жизнь, но никогда еще ей так не хотелось повернуть время вспять. Без сомнения, он весь вечер смеялся над ней. Это же надо так прямо и заявить, что она пытается склонить его к браку! А как нахально он заговорил о Брайане! И в довершение всего она позволила ему некоторые вольности. Какой стыд!

Увы, того, что сделано, не вернуть. Как и не забыть восторга от его поцелуя, захватывающего дух наслаждения от прикосновения его губ к ее губам, разорвавшего добровольные оковы, за которыми она благополучно скрывала свои чувства все эти годы.

Следуя собственному строгому распорядку дня, она искупалась и оделась к семи часам утра. Затем спустилась в отцовский кабинет, где распечатывала и читала корреспонденцию, прибывшую вчера... или, по крайней мере, пыталась. Заниматься этим без очков было непросто.

Только на полпути домой вчера вечером, она вспомнила, что забыла очки. Единственная надежда, что Уорвик пришлет их с Беатрис. А до тех пор любая попытка читать была совершенно бесполезной. И все же она пыталась. Как бы сильно не приходилось напрягать глаза, это все же лучше, чем постоянно представлять, как она унижается перед Уорвиком.

Уорвик! Господи, ну почему она не может выбросить его из головы? Сколько бы она не сидела здесь, уставившись на колонки цифр, единственное, о чем она могла думать все утро, – это то, какими настойчивыми, горячими и влажными были его губы и как запах его кожи буквально превращал ее тело в безвольную массу.

В четверть одиннадцатого дверь распахнулась, и вошла Эмили. Она держала в руках охапку платьев, прощелестевших по комнате, как весенний ветерок. Белоснежное лицо девушки пылало воодушевлением. Она уложила свои золотистые волосы на затылке и покрыла их бледно-розовой шелковой сеточкой, которая идеально гармонировала с утренним платьем. Ее маленькие ножки были обуты в изящные кожаные туфли.

Отложив бумагу и перо в сторону, Оливия сцепила пальцы, попытавшись хотя бы на секунду позабыть о головной боли и улыбнуться.

– Доброе утро, Эмили. Что это у тебя?

– Платья, разумеется, – ответила Эмили с веселым смехом. – Мне просто необходимо твое мнение, Оли. Сегодня ожидается маркиз с визитом. Какое из них, по-твоему, мне больше к лицу? – Она швырнула несколько платьев на кресло, но они, не долетев, грудой упали на пол. Не обратив на это внимание, Эмили приложила одно из платьев к себе и повертелась перед Оливией.

– Ну разве не божественно, Оли? Как ты считаешь, лорду Уиллоуби это понравится?

– Уверена, ты понравишься ему, Эми, если только он не слеп и не глуп.

Платье улетело в сторону, и Эмили примерила другое.

– А как насчет этого? Насколько я знаю, бледно-желтые рюши и крошечные первоцветы вдоль декольте высший шик сезона в Париже.

Встав со стула, Оливия подошла к разбросанной на полу одежде и принялась подбирать ее. Там было желтое платье с атласным лифом и верхней газовой юбкой, окаймленной золотым кружевом. Очень дорогое изделие. Эмили просто молилась о таком несколько месяцев назад. Но Оливия знала, что сестра даже не примерила его с тех пор, как оно прибыло из Парижа, завернутое в ворох бумаги и разноцветных ленточек.

– Я просто убеждена, что лорд Уиллоуби будет говорить сегодня с отцом, – сказала Эмили. – С чего бы еще ему выезжать в эту отвратительную погоду? Оли, дорогая, что ты делаешь?

Оливия приложила к себе сшитое в Италии платье. Она встретила с изумленным взглядом сестры и почувствовала, что краснеет.

– Ни глупи, – фыркнула Эмили и выхватила платье у нее из рук. – Ты слишком стара для такого платья, цвет совсем не идет к твоему оливковому оттенку кожи. Да и потом, куда ты можешь его одеть? Будешь заигрывать в нем с отцовскими гроссбухами? Или, может, – она снизила голос до шепота и глаза стали холодными, как стекло, – отправишься на свидание с Майлзом Уорвиком? Оливия повернулась к своему стулу и взяла ручку.

– О чем ты думала, отправляясь в Брайтуайт? Тебе что, мало было знать, что папа пытался подкупить этого неисправимого негодяя и женить на тебе? Ты можешь представить Майлза Уорвика членом нашей семьи?

– Учítывая то, что он отверг папино предложение, Эм, не думаю, что у нас с тобой есть повод для беспокойства. А теперь, пожалуйста, мне нужно закончить работу, у меня раскаляется голова. Если тебе хочется поговорить о Майлзе, поговори с отцом.

Послышался стук в дверь, и вошел Джон. Он вскинул брови на Эмили и улыбнулся Оливии.

– Мисс, юный Брайан готов для прогулки.

Обрадовавшись возможности уйти, Оливия отложила перо и откинулась на спинку стула.

– Спасибо, Джон. Распорядись, чтобы Дитс подал карету. И тебя не затруднит принести мою накидку?

Эмили нахмурилась.

– Ты собираешься гулять в такой холод, Оливия?

– Немного холода никому не вредит, Эмили, и, кроме того, Брайан всегда с нетерпением ждет этих прогулок. Ребенку нужен свежий воздух и движение, чтобы он рос здоровым. Быть может, ты как любящая, преданная и заботливая тетя хочешь поиграть с ним?

Лицо Эмили вспыхнуло, и она отвела глаза. Оливия позволила себе чуть заметно улыбнуться. Не так часто у Эмили хватало такта показать свое смущение.

Джон кашлянул, и Оливия оглянулась.

– Что-нибудь еще? – спросила она.

– Да, мисс. У нас гость. -О?

– Майлз Уорвик.

– Уорвик? – Переспросила она.

– Да, мисс.

– Э... понятно. Ну, что ж, скажи ему, что отец...

– Он не к отцу, мисс!

Оливия взглянула на Эмили. Голубые глаза Эмили удивленно округлились, а розовые губки сложились в гримасу неудовольствия. Тряхнув белокурыми локонами, она заявила:

– Я отказываюсь видеть его. Скажи ему, чтоб убирался, Джон, я...

– Прошу прощения, мисс Эмили, но он не к вам. Он желает поговорить с мисс Оливией.

Ощущение, подозрительно сходное с радостным волнением, охватило Оливию. И это после того, как она провела целую ночь, убеждая себя в том, что Майлз Уорвик не стоит того,

чтобы беспокоиться, что он о ней думает. Расправив плечи, она сделала глубокий вдох и сказала:

– Скажи ему, что я не могу его принять. Брайан ждет, в конце концов, и... ну, просто скажи ему это, и все.

Джон кивнул и вышел.

Перешагнув через груды платьев, Эмили встала перед столом и, наклонившись к Оливии, возмущенно спросила:

– Что он здесь делает?

– Привез Беатрис, я уверена. Успокойся, Эми, у тебя такое лицо, словно ты увидела призрака.

– У тебя не лучше, – отрезала сестра. – Или, может, этот румянец на щеках у тебя от возбуждения, а не от беспокойства?

– Не болтай чепухи.

Заламывая руки, Эмили бросила отчаянный взгляд на дверь.

– О Боже! А если он задумал встретиться с лордом Уиллоуби? Зная Майлза, не сомневаюсь, что он получил бы огромное удовольствие, рассказав его светлости все гнусные подробности наших отношений. Избавься от него, Оли, пока он не разрушил все мое будущее!

Оливия направилась к двери как раз в тот момент, когда смех Брайана зазвенел по коридору. Ребенок бросился в ее объятия, весь светясь от радости.

– Мамочка, – закричал он, – кухарка приготовила мне пудинг!

Оливия опустила на одно колено и крепко обняла тепло закутанного мальчика. От него пахло апельсиновым мармеладом, а на верхней губке остались похожие на усы следы от молока. Она засмеялась и поцеловала его, сразу же позабыв об Уорвике, пока не услышала слабый голос Джона.

– Милостивый государь, мисс Оливию нельзя беспокоить!

Она повернула голову, а он уже стоял тут, слегка расставив ноги, в плаще, свободно свисающем с плеч. Джон стоял чуть позади него, беспомощно глядя на Оливию. Она отпустила его кивком головы и медленно поднялась.

– Вы всегда без спроса врываетесь в дом? – спросила она Уорвика.

– Если приходится. А вы всегда заявляетесь в дом мужчины по ночам и без приглашения?

Оливия заставила себя сделать медленный, глубокий вдох.

– Полагаю, вы привезли Беатрис?

Он кивнул, и черный локон небрежно упал ему на лоб.

– Что ж... пожалуйста, примите мою благодарность, мистер Уорвик. Вместе с извинениями за причиненные неудобства. Теперь, с вашего позволения мы...

– Я бы хотел поговорить с вами, – прервал он.

– Увы, это невозможно. Я собираюсь уходить, как видите. С сыном.

Она увидела, как взгляд Уорвика опустился на ребенка, прижимающегося к ее ноге, и прячущего свое маленькое личико в юбках.

– У нас так заведено, – поспешила добавить Оливия, отвлекая внимание Уорвика. – Я вожу его на прогулку каждое утро.

– Как трогательно. – Слова Майлза прозвучали шутливо, но лицо его не изменилось. Глаза оставались колочими, выражая непреклонность и создавая у Оливии впечатление, что несмотря ни на что, он все равно скажет то, что хотел.

Видя, что от него не так легко избавиться, она сказала:

– Можете присоединиться к нам, если хотите. Эмили, которая оставалась в кабинете, тихо ахнула.

По правде говоря, Оливия и сама была немало ошеломлена своим предложением. И все-таки лучше, если он скажет ей то, что собирается сказать наедине.

Молчание длилось, казалось, бесконечно. Взгляд Уорвика перемещался от нее к мальчику и затем опять к ней.

– Хорошо, – наконец ответил он.

* * *

Майлз собирался только проводить Беатрис. У него и в мыслях не было встречаться с Оливией. Особенно после прошедшей ночи, когда он выставил себя полнейшим идиотом. Вначале тем, что здорово перебрал, а потом еще и расплакался о своем горе.

И вдобавок этот поцелуй.

Майлз никак не мог отделаться от мысли, что ему это понравилось.

Даже очень.

Фактически, он полночи проходил по дому, думая об этом.

Карета подпрыгнула на кочке, возвращая смятенные мысли Майлза к настоящему моменту времени. Он сидел напротив Оливии, которая закуталась в накидку с лисьим воротником. Рядом с ней сидел мальчик, розовощекий от холода, его ноги были накрыты одеялом. Широко распахнутые зеленые глаза мальчугана глядели прямо на него. Маленькие, но пухленькие пальчики малыш послушно сцепил на коленях.

– Итак? – послышался голос Оливии, снова привлекая к себе внимание Майлза. В полумраке кареты ее лицо, частично скрытое капюшоном, казалось, приобрело оттенок бархатистого крема, а большие глаза были очерчены густой каймой черных, длинных ресниц.

– Что вы хотели сказать, мистер Уорвик?

Он на мгновение задумался, потом полез в карман, доставая ее очки. Постучав ими по колену, он снова взглянул на мальчика, затем протянул их Оливии.

– И это все? – Она не улыбнулась. – Вы могли бы переслать очки с Беатрис или оставить у Джона.

Он пожал плечами и положил ногу на ногу, коснувшись при этом ее колен.

– Если вам есть что сказать, сэр, тогда говорите. Можете не беспокоиться о Брайане, если, конечно, не собираетесь рассуждать о его происхождении. Это тема, обсуждать которую я не намерена.

Майлз наблюдал, как пальцы женщины, затянутые в перчатку, играют с дужками очков. Оливия не спешила надеть их.

– Возможно, я просто в настроении немного поболтать, – сказал он.

– Сомневаюсь. Вы не производите на меня впечатления человека, находящего удовольствие в пустой болтовне.

– Вы очень прямолинейны, юная леди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.